

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

ТРИЛЛЕР,
ПОРЫВАЮЩИЙ
С ОБЫДЕННОСТЬЮ,
PARIS MATCH

ВСЕ ЛГУТ

18+

Триллер по-скандинавски

Камилла Греббе

Все лгут

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Гребе К.

Все лгут / К. Гребе — «Издательство АСТ», 2021 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-146830-9

Мария Фоукаро счастливо живет в большом доме на окраине Стокгольма со своим маленьким сыном Винсентом, идеальным новым мужем Самиром и падчерицей – подростком Ясмин. Но однажды семейная идиллия рушится. Холодной декабрьской ночью Ясмин бесследно исчезает. За расследование берутся детективы Гуннар Вийк и Анн-Бритт Свенссон. Вскоре полиция арестовывает Самира по подозрению в убийстве дочери. Мария не может в это поверить, но постепенно ее охватывают сомнения... Разве у него не было конфликтов с дочерью? К тому же и очевидцы подтверждают, что видели у Ясмин следы физического насилия. Неужели можно убить собственного ребенка?

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-146830-9

© Гребе К., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Мария	6
I	6
2	13
3	19
4	24
5	30
6	34
7	39
8	44
9	48
10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Камилла Гребе

Все лгут

*Моим крестникам —
Максу, Дисе и Софии*

Camilla Grebe

ALLA LJUGER

Published by agreement with Ahlander Agency

© Camilla Grebe, 2021

© Николаева М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Мария

I

Разве не удивительно, как одно событие – мгновение – с хирургической точностью может рассечь жизнь надвое, искалечить и навеки разделить «сейчас» и «тогда»?

В субботу, шестнадцатого декабря двухтысячного года, моя жизнь бесповоротно изменилась. В тот день моя семья оказалась втянута в водоворот событий, ход которых был не просто неподвластен никому из нас – события эти были просто непостижимы.

Все началось именно тогда.

* * *

Когда в темноте раздался звонок телефона, я мгновенно и окончательно проснулась. Грета на цыпочках пробежала в кухню, чтобы взять трубку. Она что-то приглушенно пробормотала, потом вернулась и бережно похлопала меня по плечу:

– Мария, это Самир. Тебе лучше подойти.

Я кое-как выпуталась из влажной простыни и наощупь принялась искать выход из незнакомой комнаты. Холодный воздух струился из плохо законопаченной оконной рамы, напоминая о том, что на дворе стоял декабрь, а мы были на шхерах, в дачном домике, который, откровенно говоря, был летним.

Когда я, шлепая босыми пятками по холодному и влажному полу, добралась до кухни, сердце забилося чаще. Всего несколько часов назад мы сидели здесь и смеялись. Делились секретами, подводили итоги прошедшего года, констатировали, как глупо было год назад, в декабре тысяча девятьсот девяносто девятого, переживать о том, что мир – цифровой мир по крайней мере – на стыке двух тысячелетий внезапно рухнет.

Мы обсуждали новые фильмы – «Ноттинг Хилл» (очень понравился Грете, она предпочитает хеппи-энды) и «Матрицу» (Киану Ривз просто невероятно привлекателен, хоть и выглядит юнцом).

Теперь остатки вчерашнего девичника горами высились на разделочном столе: грязные тарелки, винные бокалы, блюда с чипсами и оливками. Пустые винные бутылки, ополовиненные бутылки, разбросанные бутылки и куча креветочных панцирей, уже начинавшие пахнуть. Где-то потрескивал обогреватель, регулятор которого был выкручен на максимум, чтобы прогнать зимнюю стужу.

Я протянула руку за трубкой, которая лежала рядом с наполовину заполненной пепельницей.

– Самир?

Само собой, в голове у меня была лишь одна мысль: мой сын. Потому что, хоть Винсент болел редко, этой осенью он уже успел свалиться с пневмонией, и чтобы встать на ноги, ему пришлось пропить два курса антибиотиков. А вчера перед моим отъездом он снова закашлял: резкие, хриплые звуки напоминали собачий лай, а ведь малышом он частенько подхватывал круп.

Если честно, наверное, помимо прочего, мне было сложновато оставлять его дома одного с Самиром и Ямин. Почти всю жизнь Винсента мы были только вдвоем – тесно спаянное, органичное сообщество, в которое, как мне казалось, мы никогда никого другого не примем.

В трубке раздалось тяжелое дыхание Самира. Он всхлипнул и тут же сделал это снова.

Я покосилась на кухонные часы. Теперь мне стало по-настоящему не по себе. Что бы там ни случилось, ничего хорошего это не сулило. В четыре часа утра не звонят спросить, как дела. В такое время звонят только если случилось что-то в самом деле серьезное.

– Ты нужно приехать, – произнес он на ломаном шведском, который я полюбила с той секунды, как он раскрыл рот и впервые заговорил со мной. – Это... Ясмин. Она...

Снова всхлипывания.

Моей немедленной реакцией было облегчение: Винсент ни при чем, дело в Ясмин, дочке Самира. В следующее мгновение я пришла в себя и устыдилась: а вдруг с ней что-то произошло, а я стою здесь довольная, словно ее благополучие меня вообще не волнует.

У меня за спиной закрипели деревянные половицы и раздались шаги. В следующее мгновение рука Греты опустилась на мое плечо.

– Мария, что там?

Я замотала головой и отошла от нее на несколько шагов.

– Самир, что произошло?

– Она, она...

– Успокойся.

Но Самир не мог успокоиться. Его всхлипывания переросли в вой, а через пару мгновений в трубке раздался чужой голос. Незнакомец мрачным, а возможно, просто формальным тоном поинтересовался, может ли он поговорить с Марией Фоукара. Когда я подтвердила, что слушаю, он представился. Это был полицейский.

– Речь о вашей дочери, Ясмин. Мы опасаемся, что она могла попытаться свести счеты с жизнью.

* * *

А потом?

Помню, что разговаривала с Гретой, и несколько других девушек тоже проснулись и вышли к нам. Помню, что Юханна помогала мне одеться, как маленькой: натянула на ноги колготки, через голову надела толстый свитер, пару раз провела расческой по волосам. Должно быть, они сверились с расписанием – чтобы убедиться, что катера начнут ходить лишь через несколько часов. Потом кто-то – Грета, кажется, – стал обзванивать местных жителей, потому что следующее мое воспоминание – это как мы втроем с Гретой и Юханной по сосновому бору пробираемся к пристани.

Декабрь – самый темный месяц в году.

Настоящего солнечного света почти не бывает даже днем, а ночи – те чернее дегтя. Такой вот ночью мы и пробирались по лесу, вдалеке от человеческого жилья, с трудом различая что-либо на расстоянии вытянутой руки. Тьма казалась такой плотной, что ее почти можно было потрогать. Гигантское ничто обступило нас стеной, вызывая ощущение нереальности происходящего. Единственным, что оставалось в мире настоящего, были островки леса и ветки черничника, то и дело возникавшие в конусе света перед нами. У Греты с собой был большущий фонарь. Такая тяжелая, несуразная вещь, от одного вида которой начинают ныть руки. Никто не произнес ни слова. Я слышала лишь хруст мерзлой земли у нас под ногами, мое собственное дыхание, да еще ветер, который завывал где-то высоко, в верхушках сосен.

На пристани в катере уже ждал мужчина – не помню его имени, – чтобы отвезти меня в зимнюю гавань Ставнес, где я оставила машину.

– Ты уверена, что тебе можно за руль? – спросила Грета.

Я кивнула. Вечером я выпила меньше всех. С тех пор, как встретила Самира, алкоголь меня не слишком привлекал.

Крепко обняв Грету с Юханной, я забралась в лодку и надела спасательный жилет. Тот был грязным и потрепанным, но, по крайней мере, помогал сохранять тепло.

Затем мы покинули остров.

* * *

Ясмин была мне не дочерью, а падчерицей. Или теперь используют другой термин? «Бонусный ребенок» звучит приятнее, примерно как выигрыш в лотерею. Бог мне свидетель, да только Ясмин никаким джек-потом не была. Ничего ужасного, просто она безответственна, импульсивна, безгранично наивна и еще вечно собирала все возможные проблемы. Но ведь в восемнадцать это так естественно, и вряд ли стоило ее винить. Наверное, единственные в мире люди, способные каждую секунду любить подростка, – его мама и папа. Им потом и кровью достаются терпение и снисходительность ко всем его капризам и ошибкам.

Только вот я не была ее мамой.

Конечно, я любила Ясмин, но вряд ли так же сильно, как Винсента.

Моему сыну тогда было десять, и ради него я пошла бы на смерть. Для меня этот простой и в то же время удивительный факт – лучшее определение родительства. Во всех случаях ставить благо своего ребенка превыше собственного.

С отцом Винсента – Брайаном – меня не связывали долгие отношения. Когда я узнала о том, что жду ребенка, он, распивав свое барахло в три пакета и гитарный футляр, испарился быстрее, чем я успела произнести слово «опека». Брайан, двадцатичетырехлетний ирландский музыкант, не имел ни малейшего желания строить семью с тридцатилетней училкой с периферии, которую, к тому же, едва знал.

Я не могу его за это винить – кто же захочет заводить ребенка с незнакомцем?

Ну я, например. Мне было практически не важно, с кем. Мне не было дела до Брайана, Винсент – вот все, что было мне нужно. Но в тот конкретный момент, конечно, речь шла просто о *ребенке*. Когда же Винсент родился и оказалось, что у моего желанного малыша не две, а целых три хромосомы в двадцать первой паре, я только сильнее уверилась в том, как прекрасно, что переменная Брайана исчезла из нашего уравнения.

Синдром Дауна.

Конечно, поначалу известие об этом повергло меня в шок. Я так многого не знала, несмотря на то, что детей с синдромом встречала еще во время учебы, и считала себя свободной от предрассудков и компетентной в вопросах функциональной вариативности, как теперь говорят. Я представляла себе, что он никогда не заговорит, не сможет пойти в обычную школу. Я представляла картины, в которых свою взрослую жизнь Винсент проводит в стенах различных учреждений, неспособный найти работу и устроить личную жизнь.

И в то же время, когда этот маленький теплый комочек лежал в моих объятиях и я глядела на него – на его крошечные ладошки, на сморщенное личико, когда я заглядывала в его глазки, то твердо знала, что он прекрасен. Он – мое дитя, мое прекрасное дитя, что бы там ни говорили врачи. А они говорили много, практически непрерывно, просвещая меня обо всех гипотетических проблемах Винсента.

В тот момент мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь из них поздравил меня. Хоть один. Чтобы нашелся хоть один человек, который сказал бы мне, как замечательно и здорово все сложится.

Но все это сейчас кажется таким далеким. Далеким и почти что нелепым. Прошло десять лет, и само собой, без проблем не обошлось: грудное вскармливание превратилось в сущий ад, по крайней мере, поначалу, и мне пришлось надолго остаться в больнице. Винсент пережил операцию на сердце по ушиванию отверстия между левым и правым желудочками в возрасте всего нескольких месяцев. Ходить он начал позже сверстников. Рано стал заниматься разви-

тием речи с логопедом, и в какой-то период мне даже пришлось изучать язык жестов, чтобы облегчить наше общение. Но слова пришли к нему, они полились потоком, который больше был похож на водопад. Поначалу было сложновато его понять – слова выходили медленно, неуклюже. Его маленькому роту было непривычно их произносить. Но со временем речь Винсента становилась все более четкой.

Он также научился читать и писать, просто для этого потребовалось чуть больше времени, даже пошел в обычную школу и посещал ее в компании помощницы. У него есть мечты, страхи и надежды, но самое главное – у него есть личность, его не спутаешь со всеми другими людьми, кому выпало иметь лишнюю хромосому.

Каким был тогда Винсент?

Ему нравилось печь и готовить еду, на кухне он вел себя весьма ответственно. И не только на кухне, кстати говоря. В семье он оказался единственным, у кого была природная потребность поддерживать порядок. Нам с Самиром это не особенно удавалось, а Ясмин – та вообще проносила по дому подобно торнадо, оставляя за собой кучи мусора, ворох одежды и валяющиеся повсюду тубики с косметикой.

Винсент любил животных и мечтал о собственной собаке. Мечтал и канючил, но память о его предыдущем питомце – хомяке – и о травме, которую нанесла смерть жалкого грызуна, заставляла меня колебаться. Ну и масса других вещей, конечно. К примеру, кто стал бы присматривать за собакой днем? Мы с Самиром оба работали полный день, а Ясмин ходила в гимназию. К тому же в таких вопросах на нее совершенно нельзя было положиться.

Винсент любил рисовать и делал это хорошо – гораздо лучше, чем я. Его искрящиеся всеми цветами картинки я вешала на стену в кухне, и очень скоро там совсем не осталось свободного места. Он был упрям как осел и всегда настаивал, чтобы все было по справедливости. Именно это качество время от времени создавало ему проблемы в школе. Если Винсент считал, что кто-то поступил с ним плохо или несправедливо, он просто отказывался разговаривать с таким человеком, и длиться это могло месяцами. Однако он никогда полностью не замыкался – его потребность в общении была постоянна: если Винсент переставал общаться с кем-то одним, он компенсировал это более интенсивным взаимодействием с другими товарищами.

Обычно я убеждала себя, что в дальнейшей жизни упрямство должно сослужить ему хорошую службу. Это ведь ресурс, а для Винсента, которому беспрерывно приходилось сталкиваться с предрассудками в собственном окружении, такое качество, как мне казалось, было просто бесценно. Ведь проблема заключалась не в Винсенте, а в отношении мира к нему. И всякий раз, с тревогой вглядываясь в его будущее, я думала именно о том, как отнесутся к нему другие люди – все те, кому посчастливилось иметь исправный хромосомный набор. Те, кто косо на него смотрел, а за глаза называл дауном. Или еще хуже – те, кто говорил так, *зная*, что Винсент все слышит.

Винсент, помимо прочего, обладал развитой интуицией. Он мог словно... принимать к чужим эмоциям – знал, когда люди лгут, чувствовал, если кто-то был опечален, и мог заранее предугадать вспышку чьего-то гнева. Понятия не имею, как ему это удавалось, вряд ли такое качество можно в себе развить. Мне нравилось представлять эту его способность как форму музыкального слуха. Винсент читал людей, как другие люди читают ноты.

* * *

Домой на Королевский Мыс я добралась около шести часов утра. Наше маленькое жилище – старый домик садовника с переплетными рамами, облицованный крашенной в зеленый цвет доской, – стояло среди голых стволов, погружившись во мрак. Разбросанные кое-где островки снега делали тьму чуть менее интенсивной. В доме было темно, светилось только кухонное окошко. На подъездной дорожке стоял старый, выдавший виды автомобиль Самира, а

рядом с ним, чуть наискось, была припаркована полицейская машина – словно водитель торопился и ее занесло.

Я оставила свою немного поодаль, забрала сумку со сменной одеждой и косметичку и побрела ко входной двери.

Самир ждал меня у порога. Он просто стоял там, в темноте – наверное, слышал, как я подъехала, и вышел навстречу. Глаза его потемнели, а лицо искажала гримаса страдания. Я порывисто обняла его, и когда Самир прижал свою мокрую щеку к моей, почувствовала, что все его тело дрожит, и ощутила запах пота.

– Все будет хорошо, – шепнула я.

Он не ответил.

Мы прошли в кухню.

Двое полицейских в форме сидели за столом, перед каждым стояла пустая кофейная чашка. Когда я вошла, они встали и представились, а одну из них я даже узнала – это была высокая женщина лет пятидесяти по имени Гунилла. Этой осенью она посещала школу, в которой я работаю, и проводила с учениками беседу об алкоголе и наркотиках. Наркотики у нас на Королевском Мысе – серьезная проблема, так что полиция совместно с руководством школы предпринимает меры по ее искоренению.

Мы сели, и меня охватило ощущение, будто все знакомое и надежное вмиг сделалось неизведанным и пугающим. Сколько раз мы с Самиром и детьми сидели за этим потертым столом? Сотни раз, тысячи?

Только в этот все было иначе.

– Что произошло? – спросила я, поймав взгляд Гуниллы. Самир сидел, сторбившись, возле меня, взглядом упершись в стол. Он ковырял пальцем какую-то щербинку на кромке столешницы и, подцепив там щепку, принялся внимательно ее разглядывать. Он продолжал дрожать, словно от холода, хотя в кухне было уютно и тепло.

– Вчера поздним вечером женщина, гулявшая со своим псом в окрестностях утеса Кунгсклиппан, кое-что заметила, – заговорила Гунилла, положив сцепленные в замок руки на стол.

Она казалась серьезной. Выражение лица было спокойным, но взгляд словно бы не хотел надолго останавливаться на мне.

– И что же?

– Она заметила, как что-то или кто-то падает в море. Она – то есть хозяйка пса – подумала, что это странно, но отправилась домой. Однако дома никак не могла выбросить увиденное из головы, поэтому несколько часов спустя вернулась на то место и поднялась на вершину скалы. Там женщина обнаружила пару сапог, в голенище одного из которых лежала записка. Она достала ее, прочла, поняла, что записка – предсмертная, и позвонила в службу спасения.

– Утес Кунгсклиппан далековат отсюда, – брякнула я, как будто в данной ситуации это имело какое-то значение. На самом деле, идти было не так уж и далеко – пять минут ходу, если поднажать.

Гунилла бросила беглый взгляд на коллегу и вновь заговорила:

– Мы решили сделать обход жителей округи и когда поговорили с... – жестом она указала на Самира, – так вот, вашей дочери не оказалось в своей комнате. Связавшись с ее работодателем, мы выяснили, что вчера вечером она не появлялась на работе.

По позвоночнику пробежал озноб, когда смысл слов Гуниллы – истинный смысл ее слов, скрытый за скрупулезным перечислением фактов, – наконец до меня дошел. В тот же миг я ощутила сильнейшую потребность дистанцироваться от всей этой ситуации. «Она мне не дочь», – хотелось сказать. Она моя падчерица. Что бы там ни случилось, это случилось не с моим ребенком. Мой ребенок мирно спит наверху, и с ним все в порядке.

Он жив.

Гунилла продолжала:

– Самир опознал сапоги Ясмин. Поэтому мы думаем, что она могла попытаться покончить с собой.

Я представила себе утес Кунгсклиппан – одну из самых высоких точек в Стокгольме. Представила темные гранитные склоны, вырастающие прямо из вод Балтийского моря, вспоминая, сколько раз твердила Винсенту, чтобы не смел ходить туда в одиночку. Несмотря на это, однажды я выловила его именно там – он сидел на корточках у самого обрыва и глядел вниз, на воду, словно загипнотизированный зрелищем разбивающихся о подножие скалы волн.

Мужчина полицейский принял эстафету, и я сразу поняла, что по телефону разговаривала именно с ним.

– В последнее время Ясмин не выглядела подавленной?

– Постойте, – вырвалось у меня. – Почему мы сидим здесь? Разве мы не должны ее искать? Представьте только, что, если она лежит в ледяной воде? Сейчас же зима! Мы должны что-то сделать!

Я сделала попытку встать с места, но Гунилла тут же положила руку мне на плечо.

– На месте работают оперативники, – сказала она. – Пожарный расчет тоже там. Для поисков предпринимается все возможное.

Я упала обратно на стул и закрыла лицо руками, пытаюсь упорядочить мысли и вернуть рассудку ясность.

– Она *выглядела* подавленной? – повторил вопрос полицейский.

Сделав глубокий вдох, я выпрямила спину и подняла на него взгляд.

– Не знаю. Она...

Я старалась подыскать подходящее слово.

– Она держалась от нас на расстоянии, – ответила я. – Плохо ела. Что-то было явно не так, но депрессия ли это? Не могу ответить. Не думаю, что в этом случае она поделилась бы со мной. Мы с ней не настолько близки. Нет, отношения у нас хорошие, просто она ближе к отцу.

– У вас есть какое-нибудь свежее фото Ясмин? – поинтересовался полицейский.

– Должно быть, – отозвалась я, поднимаясь на ноги. Я пошла в гостиную и взяла стопку фотографий, которые были приготовлены для альбома. Трясущимися руками я принялась их перебирать, чтобы достать последнее фото Ясмин. Его сделал школьный фотограф. Она улыбалась в камеру на фоне переливчато-серого экрана, который, кажется, есть у каждого фотографа. Длинные волосы убраны в хвост, раскраска боевая. В ушах поблескивают маленькие золотые сережки в форме дельфинов – подарок ее матери.

Я вернулась в кухню, держа в руках фото.

– Вот, – сказала я, протягивая его детективу.

Самир поднял взгляд. Увидев фото, он захрипел, словно задыхаясь, а потом его плечи стали опускаться и подниматься в такт всхлипываниям.

В следующий миг со стороны прихожей раздались шаги, дверь немедленно распахнулась настежь, и в проеме показался Винсент. Светло-рыжие волосы прилипли к одному виску, взгляд был испуганный.

– Мама?

Я вскочила с места и бросилась к нему.

– Ничего страшного, солнышко. Пойдем в твою комнату.

Я обернулась.

– Дайте мне десять минут.

Взяв Винсента за руку, я потянула его за собой, к лестнице.

– Почему у нас дома полиция? – спросил он. – Почему полиция приехала ночью, мама?

– Сейчас уже утро, – ответила я, будто это что-то объясняло.

– Но *почему* полиция здесь?

– Они считают, с Ясмин могло что-то случиться.

Мы зашли в комнату Винсента. Там, как обычно, царил порядок. Игрушки выстроились ровными рядами на полу, альбомы для рисования были сложены в стопочку, а мелки разложены по стаканчикам на столе. Одежда, аккуратно сложенная, лежала на стуле. Горел маленький ночник – на абажуре были вырезаны силуэты животных, и при включении он вращался.

На окошке висела одинокая рождественская звезда – единственное украшение, которое мы успели повесить. Но подарки были куплены, а ель заказана в питомнике рядом с футбольным полем.

– Ясмин кто-то обидел? – проговорил Винсент, удивленно расширив глаза.

Отодвинув несколько прядей волос с его влажного лба, я покачала головой.

– Я так не думаю, – ответила я. – А сейчас спи, мы поговорим об этом позже.

– Но *если* кто-то обидел Ясмин, она, наверное, расстроилась.

– Тогда мы ее утешим.

По глазам я видела, что Винсент мне не верит, однако ответом он, кажется, удовлетворился, потому что прикрыл глаза, зевнул и повернулся на бок.

Я потушила ночник и снова погладила его по голове. Потом поцеловала в щеку и вдохнула его запах – запах моего любимого, желанного ребенка.

– Сладких снов, – шепнула я и выскользнула из комнаты.

Спустившись на кухню, я снова села подле Самира. Он все так же ковырял щербинку в столешнице, и та, на первый взгляд, стала глубже.

– Что было в записке? – спросила я, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом.

Коллега Гуниллы достал прозрачную пластиковую папку и подвинул ее ко мне. Я сразу узнала знакомые округлые, слегка заваливающиеся назад буквы. Склонившись над столом, чтобы получше их разглядеть, я прочла записку.

Простите, я больше не могу. Люблю вас. Я.

2

Над Королевским Мысом занимался рассвет нового дня. Фигурально, конечно, потому что ни о каком настоящем рассвете не могло быть и речи. Плотная декабрьская тьма еще не рассеялась, а порывистый ветер заставлял ветви вишневых деревьев биться об оконное стекло.

Я взглянула на часы: десять.

Самир, который отправился на поиски Ясмин, едва за полицейскими закрылась дверь, теперь лежал в кровати рядом со мной. Я не стала его будить, мне казалось, что чем дольше он проспит, тем лучше будет для него. Поэтому я встала очень тихо, на цыпочках подошла к комнате Ясмин, приоткрыла дверь и включила там свет.

Кровать была пуста, а комната выглядела совершенно как обычно – то есть как будто там только что взорвалась бомба. Одежда небольшими кучками была разбросана по полу. Косметика, банки из-под колы, щипцы для завивки, пустые картонки от гамбургеров – на узком письменном столе. В углу – кипа журналов, которые рассыпались по всему полу, одинокая кроссовка на подоконнике, в компании чахнувшего цветка и надкушенного бутерброда.

Иными словами, в комнате все было как всегда, не было только Ясмин.

Я подняла взгляд на стену. Там, на черно-белом фото, были запечатлены Ясмин с младшей сестренкой Сильви и их мать – Анна.

Бывшая жена Самира была довольно-таки похожа на меня. Пепельные волосы длиной по плечи. Светлые глаза – как у всех северян – и немного выжидательное выражение лица, словно она хранила какой-то секрет. Возможно, я была немного пухлее, но ведь и лет мне тогда было больше, чем ей на том фото.

Анна была шведкой. Поехав работать во Францию по программе *au pair*¹, она там и осталась. В начале восьмидесятых она вышла за Самира, и у них родились две дочери – Ясмин и Сильви. Но когда Ясмин исполнилось четырнадцать, они с мамой и сестрой попали в аварию на шоссе к северу от Парижа. Очевидно, в тот день было холодно и скользко. Ледяную корку, которая сковала большую часть дорожного полотна под виадуктом, вблизи было непросто разглядеть, и Анна, к несчастью, не смогла справиться с заносом. Машину вынесло на встречную полосу, и там она столкнулась с грузовиком.

Анна и Сильви погибли мгновенно, а Ясмин выжила, чудесным образом оставшись практически невредимой.

Самир ее так и называл: «мое маленькое чудо». Об Анне он редко говорил, но всякий раз, как это случалось, глаза его увлажнялись, а голос начинал дрожать.

– Знаешь, она быть такая красивая, что дома, в Париж, люди останавливаться, когда она проходить мимо по улице. Но она никогда этим не пользоваться. Со всеми быть одинаково милый.

Да, когда он так говорил, у меня что-то свербило в душе, хоть я понимала, что ревновать к умершей нелогично и даже непристойно.

Я глядела на фотографию улыбающейся женщины с двумя девочками – теперь осталась только Ясмин.

Или она все-таки это сделала?

Меня волной накрыло какое-то неприятное чувство, подкатила дурнота, причины которой я не понимала. Было ли тому виной исчезновение Ясмин, или вино, которое я пила накануне, или, быть может, отсутствие сна?

¹ Программа проживания молодых людей в чужой стране в приемной семье, где они выполняют определенную работу – чаще всего занимаются воспитанием детей, – а в качестве компенсации получают питание, помещение для проживания и деньги на расходы, а также возможность выучить язык на курсах.

Я вернулась в кровать, скользнув в теплое гнездышко под пуховым одеялом, и прислушалась к дыханию Самира. Не услышав ни звука, я не на шутку встревожилась и нащупала выключатель ночника. Самир инстинктивно зажмурил веки. Я тут же потушила свет, чувствуя себя донельзя глупо: не было причины думать, что он испустил дух просто от отчаяния. Так что я почувствовала настоящее облегчение.

Он был жив. Он дышал.

Любимый Самир.

Бедный мой, любимый Самир.

* * *

Мы с Самиром познакомились на вечеринке за два года до всего этого. Вечеринка была у Греты, той самой, что устроила девичник в Сандхамне. Если подумать, многие из девчонок в тот раз тоже присутствовали. У нас была такая девичья банда – или теперь вернее будет сказать, женская – еще со времен гимназии. Многие так и остались жить на Королевском Мысе.

Грета тогда поставила себе целью свести меня с одним своим знакомым парнем, аудитором. Сомнения одолели меня, едва она произнесла вслух это слово – аудитор. Звучало до безумия скучно. В итоге так оно и оказалось – парень был скучным. Добродушным, но скучным. К несчастью, он на меня запал, так что большую часть праздника я провела, скрываясь от него по углам шумной прокуренной квартиры. До тех пор, пока не появился мужчина с гитарой, который, устроившись на стуле посреди гостиной, стал играть и петь на французском языке.

– Это Самир, – шепнула Грета мне прямо в ухо. – Приятель моей двоюродной сестры. Врач и по совместительству отличный певец, правда?

– Ты платишь ему за выступление?

Грета расхохоталась.

– Ты что же, считаешь, я на мешках с золотом сижу? Он здесь в гостях, просто захотел спеть. – Грета немного замаялась, но все же выпалила: – Но ты на него даже не гляди, он должен быть моим.

Я улыбнулась. Когда Грета развелась с мужем, она заявила, что больше не желает иметь ничего общего с мужчинами. Очевидно, она изменила мнение. Я оглядела мужчину с гитарой. Слегка вьющиеся волосы, собранные в пучок, кожа медового оттенка. Музыкальные пальцы нежно перебирали струны гитары.

Я всегда тащила от музыкантов – отчасти именно поэтому я влюбилась в Брайана, отца Винсента. Иногда я размышляю над этим, пытаюсь понять, полюбила ли я его самого или его музыку. А может быть, для меня они были неразделимы. Но Брайан был щенком, юнцом на пороге взрослой жизни, который не имел ни малейшего желания связывать себя какими-то узами.

Самир произвел на меня совершенно противоположное впечатление.

Он старше – это было ясно даже на расстоянии, – щеки немного впалые, волосы – редкие и у висков уже тронутые сединой. Под тонкой кожей на руках белели костяшки пальцев.

Когда он сделал перерыв, я подошла к нему и протянула бокал вина. Мы чокнулись, и он представился – Самир Фоукара. Он хорошо говорил по-шведски, с чарующим французским акцентом. Вопросы задавал множество. Кем я работаю, что люблю есть, как предпочитаю спать, на спине или на животе, и согласна ли я, что в Швеции красивее всего зимой, когда солнце не показывается из-за горизонта, а травы и деревья спят под снегом. Да, именно так и сказал – травы и деревья *спят под снегом*. Устоять было невозможно, и мне кажется, он об этом прекрасно знал. Я думаю, он догадался, какой эффект произвели на меня его пение, французский прононс и эти маленькие поэтические зарисовки. Когда он узнал, что я немного говорю по-французски, то принялся тут и там перемежать речь французскими словами.

– Знаешь, *au debut*², Швеция показаться мне чертовски скучный. Люди здесь... с ними сложно, *tu sais*³, найти контакт. А потом я понять, что все вы просто *timide* – застенчивый.

Я засмеялась над ним и вместе с ним. Опустошила свой бокал, а потом и еще один.

– Идем, – сказал он. – Прогуляемся. Будем купаться по-шведски.

Была ранняя осень, а дом Греты – единственный многоквартирный на всем Королевском Мысе – стоял у самого моря.

– Ты серьезно?

Он схватил меня за руку и, не дожидаясь ответа, с впечатляющей решимостью потянул к выходу, лавируя между моими захмелевшими друзьями. Когда мы оказались в прихожей, он обернулся:

– Нам понадобится обувь, нет?

Я захихикала. Я ведь преподавала шведский, и такая формулировка, в которой одновременно были и вопрос, и утверждение, звучала для меня очень забавно.

А потом мы выскользнули из дома в ночь. Немного пьяные, босые и совершенно бесстыжие. Мы купались по-шведски, то есть обнаженными. Мы ныряли со скал возле дома Греты. А ее наказ – *на него даже не гляди, он должен быть моим* – был давно и прочно мною забыт.

В том месте и в тот час битва была проиграна или выиграна, зависит от того, как посмотреть. Я влюбилась с первого взгляда в этого француза, который вдобавок к тому что был музыкантом, оказался также отцом шестнадцатилетней дочери (Ясмин) и врачом, онкологом, и занимался исследованиями в Каролинском институте⁴. Картину дополнял тот факт, что Самир был борцом. Он смог оставить родину и начать все заново здесь после трагической гибели жены и младшей дочери на обледеневшей дороге в предместье Парижа.

Иногда мне казалось, что он видит эту ситуацию сходным образом. Он ведь был женат на шведке – однажды влюбившись, так и остался очарован северянками, холоднокровными, светловолосыми и застенчивыми, *timide*. Возможно, он почувствовал что-то родное во мне, точно так же, как я в его музыке слышала знакомые ноты, только восприняла их как экзотические. Наверное, такова любовь – ты любишь не только и не столько человека, сколько то, что он пробуждает в твоей душе: воспоминания о прошлых отношениях, едва уловимое ощущение надежности, даже если вы никогда не были знакомы.

Может быть, потому мы и не видим, каков человек на самом деле, что любовь и впрямь слепа и ослепляет нас. Потому что так и должно быть. Что бы иначе заставляло нас в очередной раз перевернуть все в своей жизни с ног на голову и начать заново, с другим человеком? Для чего бы люди съезжались, меняли свой уклад, договаривались о том, что важно?

Любовь жаждет перемен, а перемены приносят боль.

В тот вечер мы скрепили свою только что обретенную любовь союзом на моей старенькой софе. А еще на полу в ванной. И в кровати – уже следующим утром, когда первые лучи солнца прогнали тьму прочь.

Винсент, который ночевал у моей мамы, в пансионате для престарелых в Накке, должен был вернуться домой не раньше обеда. Когда я рассказала Самиру, что у меня есть восьмилетний сын с синдромом Дауна, он лишь улыбнулся.

– Он веселый, *n'est ce pas?*⁵ Дети-дауны обычно веселые.

Я не стала его поправлять, сочла оговорку чисто лингвистической неточностью. Дети – не дауны, у них синдром Дауна. Человек – это не его диагноз. Человек – это личность со всеми возможными качествами, как положительными, так и отрицательными. К тому же это

² Вначале (*франц.*).

³ Знаешь (*франц.*).

⁴ Крупнейший в Швеции и один из крупнейших в Европе медицинских университетов.

⁵ Не так ли? (*франц.*)

предубеждение, и люди распространяют его без всякого злого умысла, что все носители синдрома Дауна – радостные дурачки. Винсент сам по себе позитивный ребенок и в самом деле мог быть неисчерпаемым источником радости. Но в то же время он как никто другой способен испытывать мое терпение.

С того самого вечера мы с Самиром были вместе. Это оказалось так просто, нам не пришлось ни о чем договариваться. В основных вопросах, таких как воспитание детей (контролируемая свобода), политика (что-то среднее, но ближе к левому краю), музыка (раньше была лучше) наши взгляды совпадали. Мы виделись так часто, как только могли, и уже через несколько недель я познакомила его с Винсентом. Все прошло лучше, чем я могла ожидать: пока я готовила еду, они вместе играли и рисовали. Самир был львом, а Винсент – антилопой, Самир был лошадкой, а Винсент – рыцарем. Потом Винсент был одноглазым монстром, а Самир – маленьким мальчиком, который заблудился в темном лесу. Под кухонным столом у нас внезапно обнаружилась пещера. А если на стол сверху бросить одеяла, в пещере становилось совсем жутко. А если взять с собой фонарик, тот вообще мог сойти за походный костер.

Потом я потратила час на уборку, но разве об этом речь? Мой сын полюбил человека, которого любила я, и наоборот.

Но, разумеется, без сложностей не обошлось, да разве иначе бывает? Только в фильмах и книгах могут два человека, за спиной у каждого из которых имеется багаж прошлого, сойтись и счастливо прожить до самой смерти, не замечая подножек, которые им подставляет реальная жизнь.

А реальная жизнь многолика.

Вот, к примеру, моя мама. Она с большим подозрением отнеслась к моему арабу – она так его называла. Неважно, сколько раз я твердила ей, что Самир – француз, а не араб. Что он родился и вырос в Париже, был женат на шведке и знал наш язык задолго до того, как переехал сюда. Для нее он оставался арабом – имя, смуглая кожа, активная жестикуляция, этого не изменить, даже если живешь в европейской стране. Даже если тебе выпало родиться там.

Это в крови.

Почему меня всегда тянуло к чужеземцам? И что бы на это сказал мой отец, будь он жив?

Я не стала ей говорить, что папе было бы совершенно наплевать на то, что Брайан и Самир – иностранцы. Ему это было бы неинтересно, потому что другие люди, вне зависимости от того, откуда они родом, его не интересовали в принципе. Папа заботился только о своих растениях и собаках. Все, что не было покрыто шерстью или листьями – включая меня и маму, – он просто игнорировал.

То обстоятельство, что Самир оказался врачом, для моей матери явилось смягчающим – все же он не принадлежал к обществу тех мигрантов, что всякий раз толпились в холле районной поликлиники, когда мама приходила к участковому за консультацией по поводу своего артроза. Но даже то, что Самир занимался исследованиями в области онкологии, не могло изменить того факта, что родился он мусульманином. Даже несмотря на то, что нога его никогда не ступала на пол мечети, он ни разу в жизни не совершал намаз и к тому же с удовольствием уплетал мои свиные котлетки. Мама точно прочла «Только не без моей дочери» и была убеждена, что Самир в любой момент может внезапно сделаться исламским радикалом, что повлечет за собой ужасные последствия.

Я воспринимала мамину реакцию спокойно, позволив ей изливать свои тревоги, и не говорила ни слова поперек. Так бывает, когда по-настоящему счастлив – мелких пакостей словно бы не замечаешь, полный терпения и мудрости.

Да, это было несложно. В душе царили радость, и желание, и легкость, и великодушная снисходительность к маминим выпадам.

Все было просто hunky dory⁶, пока на горизонте не возникла Ясмин.

* * *

Самир заворочался, придвинулся ближе ко мне, включил ночник и глубоко вздохнул. Яркий свет затопил комнату, и мне пришлось немного поморгать, чтобы привыкнуть. Я положила руку ему на плечо. Посмотрела в его измученное лицо.

– Как ты?

– Так себе. Я уходить на поиски. Пройти вдоль берега, до моста и обратно.

– Ты не знаешь, они что-нибудь смогли обнаружить?

Он прикрыл глаза.

– Не знать. Они обещать позвонить утром. И дать мне свой номер.

Самир отвернулся и зашарил рукой по тумбочке, где нащупал клочок газеты, на котором небрежным почерком был нацарапан телефонный номер.

– Ты простить, – сказал он, поднимаясь. – Мне нужно позвонить. А потом я снова идти искать.

Послышались шаги Самира в коридоре, а затем, когда он стал спускаться по лестнице, они затихли.

Я села в кровати, потом встала на ноги и задрожала от холода. Мы жили в старинном доме, который был построен еще в конце девятнадцатого века. Дом был красивым: фасад имел богатую отделку и ажурные наличники. Стены во всех комнатах были выложены панелями в половину человеческого роста, а над ними царствовал переливчато-жемчужный шпон. Все было немного криво и косо, как обычно бывает в столетних домах, но хуже всего был этот мерзкий холод. Зимой мы все спали в теплых пижамах и носках.

Я поплотнее запахнула старенький халат и отправилась вниз, вслед за Самиром.

В дверях своей комнаты стоял Винсент с приставкой «Геймбой» в руках. Эта игра его здорово увлекала, Винсент мог рубиться в нее часами и впадал в истерику, если кто-то просил его ее отложить.

– Доброе утро, хороший мой. Ты выспался?

– Где Ясмин?

Я подошла к нему, обняла и провела рукой по рыжей макушке.

– Мы пока не знаем. Давай позавтракаем?

– Хочу, чтобы Ясмин вернулась домой, – подтягивая пижамные штаны с изображением Железного человека, протянул Винсент.

– Я тоже этого хочу.

– Ясмин что-то с собой сделала?

– Не знаю.

Мы спустились вниз и устроились в кухне. Из гостиной доносилось бормотание Самира, который с кем-то говорил по телефону. Винсент хотел пойти к нему, но я взяла его за руку и напомнила, что сначала нам нужно приготовить завтрак.

– Самир, должно быть, очень голоден, – объяснила я. – И Ясмин тоже захочет есть, если вернется домой.

Дрожащими руками я насыпала кофе в фильтр и открыла хлебницу. Знакомые дела успокаивали – во всей этой ситуации лишь они были чем-то конкретным: нужно было нарезать хлеб, нужно было накрыть стол.

⁶ Без проблем, прекрасно (англ.). Название четвертого студийного альбома британского рок-музыканта Дэвида Боуи.

Едва я успела выставить масло и сыр, как раздался звонок в дверь. Я поспешила в прихожую, но Самир меня опередил. Промчавшись мимо, он распахнул входную дверь прежде, чем я успела переступить порог кухни.

Снаружи стояли незнакомые мужчина и женщина. Мужчина, на вид ровесник Самира, был явно хорош собой. Одет был в пуховик, джинсы и кепи. Кепи он тут же снял, отодвинул со лба тронутые сединой волосы и представился. Гуннар Вийк, следователь из государственной уголовной полиции. Женщина – тоже в гражданском – на первый взгляд показалась старше, около шестидесяти. Волосы ее имели стальной оттенок и были пострижены коротко, лицо было округлым, а черты – мягкими. Она потрясла протянутую мной руку и представилась коллегой Гуннара, Анн-Бритт Свенссон.

– Мы хотели поговорить об исчезновении вашей дочери, – заявила Анн-Бритт, кивая Самиру и на ходу стаскивая зеленое драповое пальто.

– Разумеется, – сказала я. – Пойдемте в кухню, мы как раз собирались завтракать.

Анн-Бритт улыбнулась Винсенту, который тут же зарылся носом в мой халат.

Гуннар выглядел слегка смущенным. Немного помяв в руках кепи, он прокашлялся.

– Мы хотели бы поговорить с каждым из вас по отдельности, – уточнил он.

3

Вот так и появились в нашей жизни «до» и «после». Однако чтобы понять, что за событие разделило нашу жизнь пополам, мне придется начать рассказ с того, что было раньше.

Раньше были свет и любовь. Раньше было много дел: готовили еду, хлопали дверьми (это Ясмин), включали музыку на полную громкость (тоже Ясмин). Раньше по вечерам в пятницу мы уютно бездельничали и по всему дивану были разбросаны сырные чипсы, а на полу в углу кучей была свалена грязная одежда – футбольная форма (Винсента) и баскетбольная (Ясмин). Нельзя сказать, что раньше у нас не было трудностей, все-таки мы были современной семьей с бонусным ребенком и родственниками, разбросанными по всему свету. Но жизнь наша была полна надеждами и мечтами, а главное – она была вполне предсказуема.

А потом – потом наступила нескончаемая мучительная неопределенность. А еще дальше наступила тишина. И ожидание. Надежды, разбитые надежды, надежды, превратившиеся в безнадежность. Беспомощность, немота, бессилие и тысячи других эмоций, прежде никогда еще не испытанных. Некогда непоколебимое доверие превратилось в патологическую подозрительность и пульсирующий гнев, который мало-помалу утих, напоминая о себе саднящей тоской.

Но хуже всего было осознание, что ничего и никогда уже не станет как раньше.

* * *

Мы с Анн-Бритт заняли кухню, а Гуннар и Самир поднялись наверх. Винсенту было позволено посмотреть видик – в обычных случаях мы строго регламентировали это занятие, – так что он уселся с завтраком прямо перед телевизором в гостиной.

Я предложила кофе, и Анн-Бритт не стала отказываться, но к бутербродам не притронулась – уже успела позавтракать.

Она была чем-то похожа на маму. Не знаю, было то из-за ее округлой фигуры или мягких черт лица, а может, мне показался знакомым ее взгляд – испытующий и цепкий.

– Возбуждено уголовное дело об убийстве. Мы проводим предварительное следствие, – заговорила Анн-Бритт.

– Об *убийстве*? Но почему?..

Она успокоительно приподняла ладонь.

– Это не означает, что кто-то убил Ясмин, и вообще, что она мертва. Однако у нас есть свидетель, который ночью видел подозреваемого.

– Владелица собаки? Та, что обнаружила записку?

Анн-Бритт кивнула.

– Да. Сегодня утром, когда мы проводили опрос, женщина сообщила, что на вершине скалы видела не одного человека, а двоих.

– Но... Это же не означает, что кто-то хотел навредить Ясмин?

Немного помолчав, Анн-Бритт отозвалась:

– Владелица собаки утверждает, что некий человек сбросил или столкнул что-то с обрыва. – Анн-Бритт замаялась. – Или кого-то, – наконец закончила она. – В темноте она не могла все разглядеть.

Анн-Бритт взяла короткую паузу – очевидно, чтобы понаблюдать за моей реакцией.

Я отложила бутерброд с сыром на тарелку, так как внезапно почувствовала, что ничего не смогу съесть. Дурнота подкатила с новой силой. Из гостиной доносился звук телевизора – Винсент смотрел «*Короля Льва*». Я скользнула взглядом по кухне. Все выглядело настолько идиллически: крашенные в зеленый цвет дверцы шкафчиков, старинная дровяная плита, которую мы решили сохранить, когда делали здесь ремонт. Столешницу выбрали мраморную, несмотря

на ее явную непрактичность. Рисунками Винсента были увешаны все стены. Разумеется, были там и фотографии – вот Винсент в снегу, рядом с гигантским снеговиком, которого он слепил в прошлом году. На другом фото – Ясмин вместе с Винсентом на фоне стареньких буренок на ферме, куда мы ездили прошлым летом. Глядя на это фото, я почти ощущала запах животных, почти чувствовала влажное тепло их больших, могучих тел. В самом низу висело увеличенное фото с нашей с Самиром свадьбы. Я сижу на стволе упавшей березы. Бессовестно дорогое платье, купленное в городском бутике, все измялось, а подол задрался. Самир стоит у меня за спиной, немного нагнувшись вперед, и целует меня в щеку. Несмотря на то что его лицо заметно не полностью, я отчетливо видела ее – любовь в его глазах. Видела так же ясно, как черные пятна на березовом стволе, как высокую августовскую траву.

Проследив за моим взглядом, Анн-Бритт тоже посмотрела на стену.

– Ваш сын здорово рисует.

Я молча кивнула.

– Будем надеяться, что все благополучно разрешится, – ровным голосом продолжала Анн-Бритт. – Так чаще всего и происходит, но, тем не менее, я должна задать вам несколько вопросов. Где вы находились вчера вечером?

И до меня потихоньку стало доходить.

В самом деле, а я что думала? Что это визит вежливости? Что она поспешит меня утешить и будет держать за руку? Ее вопрос прояснил, почему делом занялась уголовная полиция. Там ведь не стали бы расследовать самоубийство или исчезновение подростка.

– Я была на девичнике, на шхерах, в Сандхамне. Уехала вчера после обеда и пробыла там до... Да, до того момента, как позвонил Самир и рассказал об исчезновении Ясмин.

– Который был час?

Анн-Бритт достала очки и принялась делать пометки в своем блокноте.

– Наверное, половина пятого утра.

– Может кто-нибудь подтвердить, что вы были там?

Ее слова прозвучали словно в замедленном воспроизведении, и кухня, внезапно утратив четкость линий, стала расплываться. Все это происходило наяву. Это было со мной. С моей семьей.

– Вы серьезно? Меня в чем-то подозревают?

Анн-Бритт изучающе поглядела на меня поверх оправы очков. Лицо ее не выражало эмоций.

– Это стандартный вопрос в подобных ситуациях.

Я покорно кивнула и продиктовала ей имена девчонок, а также телефонный номер Греты.

Анн-Бритт продолжала вести записи. Аккуратный почерк, ровные строчки на белой бумаге. Без всяких там дрожащих рук или пылающих щек. Для нее это была рутина, работа, business as usual. А когда она закончит со мной, то отправится домой, к своей семье, или к своему коту, или к своим романам, а мы останемся сидеть здесь, в нашем красивом, но захламенном доме, так ничего и не выяснив.

Мы станем пленниками неопределенности.

– Вы что-то нашли? – спросила я.

Анн-Бритт отложила ручку и слегка одернула вязанный свитер, который был ей тесноват в груди.

– Мы обнаружили ряд предметов на скалах. И в воде. В данный момент я больше ничего не могу вам сообщить. Но Ясмин мы не нашли.

– Она могла убежать, – предположила я.

– У нее были причины?

Я задумалась, и задумалась надолго. Что мне было сказать? Что я могла сказать? Что было лучше для Ясмин, для Самира, для моей семьи?

– В последнее время она была сама не своя.

– Что вы имеете в виду?

Я попыталась сделать глоток кофе, но руки так сильно дрожали, что чашку пришлось поставить.

– Она отгородилась от нас. Установила замок на свою дверь. А еще... она похудела. Она и так была худой, так что...

Я не закончила фразу.

– Депрессия?

– Может быть.

– Возможно, с ней что-то произошло?

– На самом деле я не знаю, – солгала я. – Я склоняюсь к тому, что это подростковые проблемы, понимаете?

– Нет, не понимаю. Расскажите подробнее.

Я вздохнула.

– Она устала от школы. Очень устала. Кажется, у нее произошла размолвка с парнем, но я точно не знаю. Она никогда не стала бы со мной делиться. Вам лучше спросить Самира.

– Ее парень, – помедлив, проговорила Анн-Бритт. – Это Том Боргмарк?

– Да.

– Что он за человек?

Я задумалась. Тома я знала с младенчества – несчетное количество раз оставалась у него в няньках. Меняла пеленки, утешала и качала перед сном.

– Он замечательный молодой человек, – наконец ответила я, выделяя каждое слово.

Ручка Анн-Бритт снова закрипела по бумаге.

– Исходя из чего вы делаете такой вывод?

– Я живу здесь с рождения. Мой папа работал садовником в усадьбе Кунгсудд. Он...

– В усадьбе? – переспросила Анн-Бритт.

– Да, в прошлом наш дом был ее частью, но в шестидесятых родители его выкупили. Когда папа умер, мама переехала в квартиру, а я осталась жить в доме. Как бы там ни было, Тома я знаю целую вечность, так что могу за него поручиться. Он хороший мальчик.

«Может быть, слишком хороший для Ясмин», – подумала я, но, разумеется, ничего такого вслух не сказала, потому что внезапно почувствовала, что женщина по другую сторону стола – та самая, с округлыми чертами и обманчиво мягкими интонациями, напомнившая мне маму, – вовсе не на нашей стороне.

– Хм, – произнесла она. – Мы побеседовали с Томом. Он был сильно возмущен.

– Он что-то знает о Ясмин?

– Нет. Вчера он работал допоздна в какой-то финансовой конторе в городе.

Я кивнула – это мне уже было известно. Том учился в Хандельс⁷, а по вечерам подрабатывал в колл-центре – продавал какие-то финансовые услуги малым предприятиям.

– А что ваш муж? – спросила Анн-Бритт, поправляя на переносице очки. – Где вчера был он?

Я вдруг вспомнила, что Самир в это самое мгновение сидел в компании ее коллеги на втором этаже и отвечал на аналогичные вопросы. Какой же я была наивной! Очевидно, для того они и решили допросить нас по отдельности. Это была вовсе не забота о нас, не желание поддержать семью в трудную минуту.

– Самир весь вечер провел дома, с Винсентом.

Анн-Бритт некоторое время молча меня изучала.

– Откуда вам это знать?

⁷ Стокгольмская школа экономики, частный вуз.

Прямой вопрос заставил меня растеряться и немного разозлил. Вне зависимости от того, что произошло с Ясмин, не было никаких причин подозревать в чем-то меня или Самира. Ясмин и без нашего участия была способна вляпаться во все возможные неприятности.

– Я находилась в двух часах езды отсюда, – излишне резко отозвалась я. – У меня не было возможности проконтролировать, чем занимались Самир и Винсент, но и причин это делать не было тоже. Самир никогда бы не обидел Ясмин, что бы та ни натворила. Она для него – все. – Я поколебалась, но все же продолжила: – Он уже терял ребенка.

Анн-Бритт кивнула.

– Да, мне это известно.

И вновь ощущение бессилия и паника: откуда ей могло быть это известно? Она что, еще до прихода сюда изучила всю историю нашей семьи?

Анн-Бритт откашлялась.

– Мария, вас ни в чем не подозревают – ни вас, ни Самира. Все это – дежурные вопросы. Понятно?

Я молча кивнула.

– Отлично. Не забывайте об этом. Вы утверждаете, что Самир помог бы Ясмин вне зависимости от того, что та натворила. У меня возникает закономерный вопрос – как часто она что-то «вытворяла»?

Я пожала плечами.

– Вы ведь знаете, как у подростков бывает.

– Нет, – упорствовала она. – Рассказывайте.

– Это же вечная борьба, вечный поиск компромисса. В котором часу она должна быть дома по вечерам, отношения с мальчиками, уборка, алкоголь. Все в таком духе. Ничего странного. Обычные подростковые фишки.

Анн-Бритт откинулась на спинку стула и сняла очки.

– Думаю, на сегодня достаточно, – объявила она. – Я оставлю вам свою карточку, звоните в любое время. Если вам придет в голову что-то важное, или если возникнут вопросы. Мы рядом. Я хочу, чтобы вы знали об этом.

Ее слова прозвучали как оскорбление. Разумеется, никого с нами рядом не было. Напротив, нас будто подвергли изучению и оценке. Пропала родная дочь Самира. Разве не должны они были сейчас заниматься ее поисками вместо того, чтобы устраивать нам перекрестный допрос?

– Я хочу попросить вас с Самиром разобраться вещи Ясмин и выяснить, не пропало ли что-то. Если по какой-то причине она сама решила убежать, то должна была взять с собой хоть немного одежды, денег и прочего. И кстати, поищите ее паспорт.

– Хорошо.

– Могу я немного поговорить с вашим сыном, прежде чем мы уйдем? – спросила Анн-Бритт.

– С Винсентом?

– Да.

Я слегка покачала головой.

– Можете попытаться. Но он вам ничего не скажет.

Анн-Бритт едва заметно приподняла бровь.

– Он не разговаривает с незнакомцами, – пояснила я. – Ничего личного.

– Но попробовать мы можем?

Я отправилась в гостиную, чтобы привести Винсента.

– Ясмин кто-то обидел? – едва увидев меня, тут же снова спросил он. Не знаю, слышал ли он наш разговор или просто чувствовал, что что-то не так.

– Не знаю, – ответила я, потому что в самом деле не знала, что ему сказать. Мне не хотелось тревожить его без повода – мальчик довольно сильно привязался к Ясмин. Но и лгать мне не хотелось.

– Почему полиция снова здесь?

– Если Ясмин кто-то обидел, они его найдут.

Винсент немного подумал, но потом снова заговорил:

– А что полиция сделает с обидчиком?

– Таких людей сажают в тюрьму.

Тишина. Винсент украдкой скосил глаза на экран телевизора и скорчил рожу.

– На сколько? – тихо спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– На сколько сажают в тюрьму?

Я сделала глубокий вдох. Вопрос был странным, но Винсент всегда размышлял нестандартно. А его вопросы – Господь свидетель, их было множество – периодически заставляли меня понервничать.

– Если кто-то обидел Ясмин, он, вне всяких сомнений, проведет в тюрьме всю жизнь, – ответила я и взяла сына за руку.

Он нехотя проследовал в кухню, держась за мою руку, но взглядом никак не отпуская экран телевизора.

– Ну здравствуй, – заговорила Анн-Бритт, когда мы уселись. – Я из полиции, помогаю искать Ясмин. Хочу задать тебе несколько вопросов.

Винсент ничего не ответил.

Анн-Бритт терпеливо подождала какое-то время, но потом решила продолжить.

– Ты помнишь, чем вы с Самиром занимались вчера вечером?

Винсент принялся раскачиваться на стуле взад-вперед, не поднимая взгляда от поверхности стола.

– Вы круто проводили время? Может быть, телик смотрели?

Молчание в ответ.

– Помнишь, что вы ели?

Тишина.

Так мы просидели довольно долго, слушая молчание Винсента, которое могло длиться днями, неделями, да что уж там – месяцами. Вот только Анн-Бритт это было невдомек. По ее лицу было понятно, что она удивлена, возможно, разочарована, и я покривила бы душой, сказав, что это не принесло мне удовлетворения.

«Ты чужая, – подумала я, – а чужакам у нас веры нет».

4

«Ясмин» по-арабски – цветок, только Ясмин ничем на цветок не походила. Сама по себе она была потрясающе красива: худая, с длинными черными волосами и раскосыми зелеными глазами. Рот широкий, улыбка заразительная. На очаровательном носике – крапинки веснушек.

Я познакомилась с ней в ноябре, через пару месяцев после нашей с Самиром встречи на той вечеринке. Мы с ним заранее обсудили, как будет лучше провести знакомство с детьми – насколько Ясмин можно было назвать ребенком, ведь ей тогда было почти семнадцать. У нее уже было тело женщины, а в поведении угадывалась толика самоуверенности.

Они появились с сорокапятиминутным опозданием. Едва я открыла дверь, Самир принялся извиняться, отговорившись тем, что машина никак не хотела заводиться. Не знаю, так ли оно было на самом деле – машина у него и вправду была старая и битая, но с тем же успехом Самир мог и соврать. Будучи блестящим ученым, он, однако, частенько забывал свои обещания, среди дня в выходной мог завалиться спать или залипнуть на каком-нибудь захватывающем фильме – таков уж он был. Свободный художник, запертый в теле исследователя, душа поэта, вынужденная следовать общественному договору, к которому она, очевидно, вовсе не желала иметь отношения.

Ясмин поздоровалась со мной за руку и сделала книксен. Да-да, *книксен*. Я решила, что это немного странно, но все же мило. Я тогда подумала, что она, должно быть, довольно строго воспитана. Или во Франции все так делают?

Так что мое первое впечатление о ней было целиком положительное.

Ясмин казалась приветливой, даже мягкой. Она была услужлива – после еды собрала посуду и даже пыталась поддерживать разговор. После ужина они с Винсентом сразу смылись. Что до Винсента – тот в нее просто влюбился и сразу начал с ней играть, к чему лично я не была готова, обычно с незнакомыми он вел себя иначе. Винсент относился к чужакам с большим подозрением. Но в то же время сын обладал неким чутьем, удивительной способностью распознавать людей, настроенных по отношению к нему дружелюбно. Таких Винсент, не мешкая, впускал в свой мир.

То, что он впустил туда Ясмин, стало ясно очень скоро.

Со второго этажа до нас доносились фыркание и смех. Потом включилась музыка, и время от времени я различала какой-то вой и топот.

Мы с Самиром подняли бокалы, чтобы поздравить друг друга с тем, как здорово все прошло. Возможно, мы легко отделались, потому что разница в возрасте между детьми была так велика?

Через какое-то время, может быть, через полчаса, они снова спустились к нам. Винсент, который скалкой привязал к спине овечью шкуру и засунул в рот вставную челюсть, выигранную на каком-то детском празднике, давясь от смеха, пояснил:

– Мама, я – монстр!

Он зарычал и выставил вперед руки, держа пальцы растопыренными, словно когти.

Мы засмеялись.

– Надеюсь, вы не против, что мы взяли поиграть шкуру, – сказала Ясмин.

– Конечно, нет, – заверила ее я. – Но теперь, молодой человек, вам нужно успокоиться, а не то вы не сможете уснуть.

В последующие недели и месяцы мы много общались. Встречались за ужином, ходили на концерты, в театр, а иногда мы с Винсентом приходили поболеть за Ясмин – она играла в баскетбол.

Это был во многом идиллический период. Со временем мы познакомились ближе, и я открыла для себя новые стороны Ямин. К весне она уже помогала мне в саду, внезапно продемонстрировав явный интерес к выращиванию овощей и моим грядкам на заднем дворе.

– Почему ты сажаешь лук в виде рамки вокруг моркови? – спросила Ямин, тыкая пальцем в землю.

– Луку нужны свет и тепло. Надо следить за тем, чтобы морковная ботва его не затеняла. Поэтому лук я сажаю вокруг. А еще папа всегда говорил, что он отпугивает морковную мошку, но я не знаю, правда ли это.

И мы сажали, и прореживали, и пололи, и собирали урожай. Гнали соки, варили желе, мариновали. А когда однажды Ямин призналась, что скучает по маме, у меня что-то екнуло в груди. «Бедная девочка, – подумала я. – Такая юная, а уже пережила столь опустошающую трагедию».

Ямин сказала мне это, когда мы, сидя на корточках, в проливной дождь пололи сорняки.

– Вот бы мама меня сейчас видела, – бросила она словно мимоходом. – Иногда мне ее так ужасно не хватает.

– Понимаю, – отозвалась я. – Я в самом деле тебя понимаю.

* * *

Свадьбу мы сыграли в августе. Она была скромной, а саму церемонию провели на пляже в Сандхамне. Мы с Самиром договорились, что венчания не будет – мы оба не были ни религиозны, ни вообще воцерковлены. И оба разделяли мысль, что пожениться на берегу моря, по щиколотку утопая в песке и наблюдая, как волны накатывают на берег всего в нескольких метрах, было бы романтично.

Ямин и Винсент сплели венков для всех гостей из березовых веток и цветов. Подозреваю, что маргаритки и розы, которыми были украшены венки, дети где-то подрезали. На мне было то самое платье – чересчур дорогое, которое я умудрилась порвать еще по дороге на пляж, потому что Самир наступил мне на подол.

Потом был праздничный ужин у Греты – несмотря на то, что та однажды была влюблена в Самира, она смогла смириться с тем, что отныне мы с ним были вместе, и великодушно одолжила свой домик на шхерах. Само собой, присутствовали дети, и мама, и мои ближайшие подруги. Родители Самира умерли, а братьев и сестер у него не было. Зато был десяток кузенов, из которых общение Самир поддерживал лишь с одним – Мухаммедом. Тот прилетел на нашу свадьбу из Марракеша с женой по имени Мона.

В преддверии праздника я немного волновалась, ведь Мухаммед с женой были мусульмане. Я переживала, все ли им можно есть и не оскорбит ли их чувства алкоголь на столах.

Самир надо мной посмеялся, заверив, что все пройдет как нельзя лучше, и посоветовал расслабиться.

– Вот теперь ты – так себе шведка. Ты записать его в террористы и трезвенники и заранее считать унылый говно только потому, что он носить исламский имя.

Разумеется, Самир оказался прав на все сто: вина Мухаммед выпил больше всех, а Мона всю ночь трепалась с Ямин и моей матерью. А когда Самир достал гитару и заиграл какой-то популярный арабский мотив, Мухаммед с Моной подтянулись вслед за ним и запели «За короля и Отечество», и если я не ошибаюсь, в глазах моей матери в тот миг стояли слезы.

Я удостоверилась, что нам повезло – кузен Самира и его жена оказались не только светскими, но еще очень приятными в общении и сердечными людьми.

В тот день нам везло со всех сторон. Каким-то чудом мама ни разу не произнесла слова «араб», а погода весь день стояла чудесная. Сияло солнце, нежный ветерок что-то нашептывал

верхушкам сосен, а перед маленьким домиком Греты расстиралось море – гладкое, словно отрез шелка. Когда настала ночь и гости разошлись, мы остались на пляже встречать рассвет.

– Я счастлива, – выдохнула я.

Самир погладил меня по спине, устремив взгляд на проступающую у самого горизонта светлую полосу.

– Счастье мимолетно. Как шведский лето. Возникать из ниоткуда и так же быстро, без предупреждения, исчезать.

Мне кажется, я засмеялась, потому что эта неуклюжая метафора оказалась одновременно точно и забавна.

В тот миг мне не пришло в голову, что он мог быть прав.

* * *

После свадьбы Самир и Ясмин переехали в дом на Королевском Мысе. Это решение было наилучшим – мы оба с ним согласились. Места было полно, Ясмин могла продолжать ходить в свою гимназию – время в пути увеличивалось незначительно, а Самир ничего не имел против общественного транспорта. Вот еще одна из его прекрасных черт: трудности никогда его не останавливали. Он совершенно безразлично отнесся к перспективе каждое утро и вечер проводить в дороге по часу. Очевидно, на работе он не испытывал сильного стресса. Насколько я могу судить, она была сложна, требовала многолетней академической подготовки и острого, как скальпель, интеллекта. Но несмотря на все это, приходя с работы домой, Самир никогда не выглядел уставшим или утомленным.

Он никогда не отвечал отказом, если Винсент хотел поиграть в футбол или порисовать, и чаще всего именно Самир готовил ужин. И что это были за ужины! Мы перепробовали множество блюд североафриканской кухни: кускус с ягнятиной, марокканский салат залук с баклажанами и помидорами, марокканский суп харира. А домашний хумус с чесноком и лимоном, а свежесдобитый хлеб, а чай со свежей мятой, которую Самир вырастил на одной из старых папиных грядок? Самиру каким-то образом всегда удавалось не переборщить со специями, так что даже Винсенту, который не любил резкие вкусы, еда нравилась.

– Немного хариссы⁸ животу на пользу, – обыкновенно посмеивался он.

С уборкой, конечно, дела обстояли несколько иначе. Никто из нас, за исключением Винсента, не любил наводить порядок. По этой причине в раковине росла гора посуды, а кучи нестиранного белья копились неделями. Пыльные переكاتи-поля размером с хорошую крысу таились по углам, а комнатные растения чахли на подоконниках. Так могло продолжаться неделями, пока кто-нибудь не решался положить этому конец. Этим кем-нибудь, конечно, всегда была я. Мне не импонировала роль старосты в семье, я для нее не подходила и превращаться в умницу Аннику⁹, которая вечно сетует на запущенное хозяйство, тоже не хотела, предполагая, что так оно, скорее всего, и выйдет. Человека наделяют ролью, или он берет ее на себя – это зависит от того, как он смотрит на ситуацию. Кто-то становится Умником (Самир), кто-то Весельчаком (Винсент), а уж коль скоро я примерила на себя роль умницы Анники, отказаться от нее стало уже невозможно.

Так кем же была Ясмин?

Я не знала этого тогда, не знаю и теперь. Да и как можно вообще с уверенностью рассуждать о таких вещах? Мы знаем лишь то, что видим, а видим мы ту сторону, которую человек решает продемонстрировать. Так что даже самые близкие могут скрывать свое истинное «я».

⁸ Острый пастообразный соус красного цвета из перца чили и чеснока с добавлением кориандра, зиры, соли и оливкового масла, используется в блюдах тунисской кухни.

⁹ Героиня популярных сказок Эльзы Бесков.

Нет, я не догадывалась, кем была Ясмин в душе, но вот в том, что она хотела бы быть Белоснежкой, просто уверена.

Перемены в Ясмин я заметила сразу после свадьбы, она изменилась буквально за одну ночь. Начала краситься, подводила красивые глаза агрессивными черными стрелками. Кожу прятала под толстым слоем тонального крема и упорно обливалась таким количеством парфюма, что Винсент принимался чихать, едва войдя в комнату. Что до ее одежды – Ясмин теперь выглядела так, словно вместо школы собиралась пойти в ночной клуб.

Мне было больно на это смотреть, ведь раньше она была намного красивее. Но ей я вряд ли могла это озвучить. Я скучала по той девчонке, которая сидела со мной на корточках возле грядки, и хотела, чтобы она вернулась.

Но об этом я тоже не могла сказать Ясмин.

Она сделалась нервной. Стоило мне высказать малейшее замечание по поводу ее внешнего вида или поведения, тут же взрывалась. Не то чтобы у меня было много замечаний – я изначально понимала, что не мать ей, и уж точно не пыталась заменить ее. Но разумеется, время от времени советовала ей, к примеру, одеться потеплее, когда на улице стоял мороз. Она истолковывала мою заботу превратно. Я беспокоилась лишь о том, как бы она не замерзла – мне было вообще наплевать на то, что она теперь носила тонкие топы с глубоким декольте и юбки такой длины, что, когда она наклонялась обуться, из-под подола виднелись ее трусы.

В свете всего этого мне казалось тем более странным, что Самир с ней об этом не говорил. Я была убежденной феминисткой и, разумеется, считала, что у женщин должны быть ровно те же права и возможности, что у мужчин. При этом, однако, я оставалась реалисткой и понимала, что, живя в нашем обществе, человек должен хоть немного думать о том, что он транслирует в мир.

Ясмин транслировала секс.

* * *

Входная дверь снова хлопнула, и я увидела, как полицейские возвращаются к себе в машину. Впереди упругой походкой шагал Гуннар, пригибаясь под натиском ветра. Одной рукой он придерживал кепи, а в другой нес портфель. Анн-Бритт поспевала следом за ним, семена по обледеневшей дорожке и не высовывая рук из глубоких карманов пальто.

Стало светлее, и серо-стальное небо тяжело повисло над самыми верхушками деревьев. Одинокие снежинки кружились в танце с ветром; они опускались на землю, чтобы затем вновь взвихриться и взмыть вверх. Деревья и кусты тянули озябшие ветви к тому скудному свету, который еще оставался, твердо уверенные, что однажды придет весна. Газон выглядел неопрятно – повсюду, где успел поиграть Винсент, виднелись проплешины, покрытые замерзшей глиной, в них четко отпечатались его маленькие следы – хрупкие, застывшие во времени и пространстве. По другую сторону живой изгороди лежали луг и позеленевшая от старости медная крыша усадьбы Кунгсудд, что означает «Королевский мыс».

Такое название могло натолкнуть на мысль, что усадьба располагалась на этом самом мысе, но по правде говоря – это остров, который сообщается с большой землей посредством моста. Пейзажи здесь идиллические, на грани пасторальности¹⁰. Вокруг усадьбы расположились штук пятьдесят домовладений, большинство построек застали прошлую смену столетия. Многие из них первоначально принадлежали усадьбе, но в первой половине девятых были распроданы. Прочие же сразу служили летними дачами для обеспеченных жителей Стокгольма.

¹⁰ *Пастораль* – жанр в литературе, живописи, музыке и театре, поэтизирующий мирную сельскую жизнь.

Летом редкая застройка утопала в пышной зелени – участки леса вклинивались в нее со всех сторон. На скальных площадках вдоль берега повыврастали новостройки с большими причалами. Там, где расселились сливки общества, царили сталь, стекло и бетон, а машины, припаркованные на их подъездных дорожках, были сплошь скоростными, баснословно дорогими и немецкими.

Однако достоинства Королевского Мыса не исчерпывались красотой – еще здесь было безопасно. Мы счастливо избегали тяжких преступлений, а волна наркомании, захлестнувшая в последние годы уже столько стокгольмских предместий, у нас встретила достойное сопротивление.

Без происшествий все равно не обходилось: недалеко от моста пьяная шестидесятилетняя женщина осенью наехала на маленькую девочку – та всем смертям назло выжила, но серьезно пострадала. В одной из роскошных темниц на берегу повесился мужик, жена которого оставила его ради тренера по теннису. А несколько недель назад работавшая на семейство де Вег прислуга, колумбийка, сбежала из усадьбы, даже не вынув из духовки булочки.

Из прихожей донеслись шаги.

Я оторвалась от окна и обернулась.

Самир вошел в кухню, рухнул на стул напротив, и наши взгляды встретились. Лицо его было бледным, а лоб блестел от пота. Я встала, подошла к нему и, опустившись рядом, обвила его руками.

Он шумно задышал.

– Меня, они подозревать меня, – выдохнул он. – Они считать, это я что-то сделать с Ясмин.

– Нет конечно, никто так не считает. Они задавали мне те же самые вопросы. Это их работа.

Самир сухо рассмеялся, освобождаясь от объятий.

– Как они могут такой предполагать? Как такой вообще может прийти в голову? Чтобы я, ее отец... Моего. Собственного. Ребенка.

Слова вырывались у него какими-то толчками, отчасти потому, что он едва сдерживал подступившие рыдания. Самир закрыл лицо руками, и плечи его затряслись в такт всхлипываниям. Когда я увидела, как невыносимо страдает человек, которого я люблю, когда услышала в его голосе отчаяние, проступавшее в каждом сказанном слове, когда ощутила его страх – тогда меня охватил гнев.

– Почему они ничего не делают? – воскликнула я, ударив по столу ладонью. – Почему не ищут ее, вместо того, чтобы задавать нам дурацкие вопросы? И что такое они нашли на скалах? Она, эта Анн-Бритт, сказала мне, что они сделали «определенные находки». Что это, черт побери, должно означать? Разве они не должны рассказать нам, что обнаружили? Разве мы не имеем *права* знать?

Самир молчал.

– Ты обзвонил ее друзей? – спросила я.

– Некоторых.

– Почему не позвонил всем?

Он застонал и принялся собирать волосы в пучок на шее, завязав его резинкой, которую носил на запястье.

– У меня есть не все номера, сама знать. А некоторый не ответить.

– А что Том? С ним ты поговорил?

Самир сердито заерзал на стуле, его раздражение было заметно невооруженным глазом. Он всегда злился, когда в разговоре упоминали Тома. Том не нравился Самиру, а я так и не смогла понять, почему. Мне казалось, что Ясмин должна благодарить свою счастливую звезду за встречу с таким парнем, как Том.

– Я оставил ему сообщение.

Я встала со своего места и направилась к тому ящику, в котором мы хранили семейные документы – паспорта, свидетельства о вакцинации и прочее. Открыв ящик, я достала паспорт и заглянула внутрь.

С фотографии мне улыбалась Ясмин.

– Паспорт я проверил еще вчера, – пробормотал Самир со своего стула. – И в ее комнате все посмотрел. Кажется, ничего не пропало.

– Мама?

Я обернулась. Винсент оказался у меня за спиной, а я и не услышала, как он подошел.

– Тебе грустно, – проговорил он, немного склонив голову набок. Его светлые глаза сияли в тусклом свете дня, а улыбка была такой застенчивой, что на маленьком круглом личике почти терялась.

Я не видела причин лгать и просто кивнула в ответ.

– Ты беспокоишься за Ясмин, – продолжил он. – И злишься. Очень злишься.

Я снова кивнула, в который раз поражаясь способности сына хирургически точно угадывать настроения и чувства окружающих.

Винсент подошел ко мне, взял за руку и подвел к другому стулу – тот стоял рядом с Самиром. Когда я села, Винсент забрался ко мне на колени и запечатлел на моей щеке мокрый поцелуй.

– Я пожалею тебя, мама, – сказал он.

5

Несколько месяцев спустя после переезда Самира и Ямин к нам с Винсентом у Ямин появился приятель, Антон. Он не первый, кого она приводила домой, были и другие: неуклюжие, молчаливые, всецело околдованные ею. Однажды, придя домой, я обнаружила, что у нас на диване сидит Антон. Он рыдал, да так сильно, что одновременно текли и слезы, и сопли. Когда я подошла к нему, чтобы узнать, что произошло, тот поначалу не хотел отвечать, но потом сказал, что Ямин с ним просто играла, как и со всеми остальными. А теперь она наигралась и дала ему отставку, вот так.

В тот момент я подумала, что все это даже забавно. Сама мысль о том, что Ямин, та самая милая девочка, которая при знакомстве со мной сделала книксен, а потом весь вечер играла с Винсентом, может оказаться роковой женщиной, выглядела абсурдной. Однако новый стиль Ямин свидетельствовал о том, что сама она из всех сил старалась соответствовать образу.

Об этом я рассказала Самиру, который, казалось, больше разозлился, чем обеспокоился.

– Ей стоит больше думать о школе, чем о мальчиках, – сказал он тогда. – Нужно усерднее учиться.

Здесь Самир был прав, поскольку именно тогда оценки Ямин медленно, но верно стали ухудшаться, а мечта Самира о том, что, пойдя по его стопам, дочь однажды станет врачом, казалась все менее выполнимой.

Однако всего через месяц после того, как Ямин стукнуло семнадцать, она встретила Пито, и вот тогда все действительно изменилось.

Пито был не каким-то там сопляком. Ему было уже тридцать, почти вдвое больше, чем Ямин. Работал Пито организатором праздников. Все его руки и шея были покрыты разноцветными татуировками. Он не был ни неуклюжим, ни молчаливым – ну разве что ему было в принципе не интересно общение с кем-то, помимо Ямин.

Мы с Самиром оба были в шоке. Больше от разницы в возрасте, чем от его тату и манер, но очень скоро Самир где-то выяснил, что у Пито была судимость по статье за распространение наркотиков. Разразился скандал. Самир потребовал, чтобы Ямин немедленно прекратила встречаться с Пито, пригрозив ей в противном случае сообщить в социальную службу и вычеркнуть ее из завещания, потому что тогда «Ямин для него перестанет существовать». Он еще много чего тогда сказал, но мой французский не так хорош, чтобы я поняла все от и до, а по-арабски я не понимаю вовсе.

Я знала, что всего этого Самир на самом деле не имел в виду. Он был довольно эмоционален: мог заплакать над детской передачей или накричать на Ямин, если она получила плохую оценку на экзамене. Но эти столь бурно излияющиеся эмоции имели тенденцию иссякать так же быстро, как и возникали. А Ямин всегда оставалась его маленьким чудом, что бы она ни натворила.

Она об этом, конечно, знала. И всюю пользовалась. Вила из отца веревки, обводила вокруг мизинчика. О чем бы ни шла речь, Ямин всегда добивалась своего. Из любой ссоры с отцом она выходила победительницей, получая что хотела, будь то время, к какому она должна была возвращаться домой по вечерам, или разрешение посещать вечеринки, которые ей хотелось посетить, или деньги.

Этот вопрос я тоже подняла в разговоре с Самиром – настолько деликатно, насколько вообще могла. Попыталась объяснить, что Ямин, как и всем подросткам, необходимы правила. Безоговорочные правила, задачей которых было очерчивать надежные и стабильные границы приемлемого поведения. Правила, похожие на стены, а не на галочки, которые Ямин могла произвольно рисовать или стирать на собственном игровом поле.

Я думаю, Самир это понимал, но просто был не в силах сказать ей «нет». Он сам говорил, что не мог, ни тогда, ни раньше. У Ясмин была нежная душа, она и так уже настрадалась.

Понимала ли я?

Да, вполне. Она потеряла мать и сестру. Потом ее, как старую дорожную сумку, перевезли из одной страны в другую и в конце концов засунули сюда, на второй этаж старинного скособоченного дома, одарив мачехой и сводным братом в придачу. Но я все равно считала, что Самир ошибается. Я была убеждена, что его мягкотелость не помогает дочери. Как педагог я знала, что правила создают ощущение надежности, они не обязательно ограничивают, а, скорее, создают опору, к которой можно прислониться в трудные времена.

Во всяком случае, Ясмин пообещала нам прекратить общение с Питом, и мы его больше никогда не видели. Мы сильно ошибались, надеясь, что эта мера поможет ей уговориться.

Однажды тем летом, когда Ясмин стала встречаться с Томом, я зашла к ней в комнату и хорошенько порылась в ее вещах.

У меня возникло ощущение, что что-то не так, и весьма серьезно.

Я проверила всю одежду, кучами валявшуюся на полу, вытряхнула мусорную корзинку и заглянула в ящики письменного стола – там нашлись только косметика и всякий хлам, много всякого хлама. Из узкого пространства под кроватью я извлекла старые трусы и пустые упаковки от сладостей, не найдя больше ничего, кроме трусов и этих упаковок. Наконец я принялась вытаскивать из комода ее вещи, одну за другой, и складывать их на кровать. И вот там-то, на дне одного из ящиков, под нижним бельем, обнаружился пакетик с каким-то веществом, по виду напоминавшим бульонный кубик. Уже догадываясь, что там, я все же открыла его и понюхала содержимое.

Потом я на некоторое время впала в раздумья – совсем ненадолго, потому что уже знала, что мне делать. Что я должна сделать. У Греты была двоюродная сестра по имени Белла, которая раньше служила в полиции. Кому, как не ей, подсказать нам, что предпринять в такой ситуации?

Тем вечером, когда Ясмин вернулась домой, мы с Беллой уже поджидали ее в кухне. Винсент был в своей комнате, а Самир – на работе. Я намеренно не стала ему звонить, зная, что он воспротивится моему плану. В его глазах Ясмин всегда была невинной жертвой. Возможно, она и в самом деле была не виновата, но закрывая глаза на проблему, мы не смогли бы ей помочь.

Ясмин пришла около пяти, отперла замок своим ключом, вошла в прихожую и с такой силой захлопнула дверь, что зазвенели кофейные чашки у нас на столе. Потом она, словно бы мимоходом, направляясь к себе, бросила взгляд в сторону кухни. Длинные черные волосы Ясмин были собраны в узел на затылке, а надета на ней, несмотря на холодную погоду, была только тонкая кожаная куртка поверх декольтированного топа. Кончик носа у нее покраснел, а под глазами чернели полукружья растекшейся туши.

– Привет, – с вопросительной интонацией произнесла она, глядя на нас с Беллой.

– Привет, – поздоровалась Белла.

Затем взгляд Ясмин упал на лежавший посреди стола пакетик с наркотиком. Ее лицо под слоем тонального крема побледнело. Матерчатая сумка с учебниками, которую она держала в руке, с громким стуком упала на пол.

– Я хочу поговорить с тобой об этом, – заговорила Белла, указывая на пакетик с бульонным кубиком, который никаким кубиком не был.

Ясмин попятилась назад в прихожую, но, сделав несколько шагов, остановилась и осталась стоять. Выражение удивления на ее лице сменилось страхом и гневом.

– Это Белла, – сказала я. – Кузина Греты. Она много лет служила в полиции, но больше не имеет к ней отношения. Я попросила ее прийти, потому что у нее большой опыт работы с...

Я жестом указала на пакетик.

Конечно, разразился страшный скандал. Ясмин проливала реки слез, вновь и вновь убеждая нас, что этот пакетик не имел к ней ни малейшего отношения и она не понимала, как он оказался у нее в комод. С Пито они не виделись уже несколько месяцев. И вообще, какое право я имела устраивать шмон в ее комнате?

Белла спокойно пояснила Ясмин, на какую дорожку та ступила и какая жизнь ожидала ее в будущем, если Ясмин с нее не свернет. Тяжелая зависимость, криминал, проституция. Одиночество и изоляция, каких и представить себе нельзя.

Все кончилось тем, что Ясмин прорвало. Она кричала, что я ей не мать, что я разрушила ее жизнь и что она жалеет, что мы с Самиром вообще встретились.

В принципе, такой исход не стал для меня сюрпризом, но я все равно расстроилась. Мне казалось, что у нас с Ясмин в самом деле хорошие отношения, основанные на взаимном уважении и... да, на дружбе, наверное. Мы нравились друг другу, и я лелеяла надежду, что однажды она сможет понять, что я это сделала ради нее самой, потому что искренне за нее переживала.

Выплеснув все это мне в лицо, Ясмин вихрем взлетела к себе.

Белла коротко кивнула и сказала:

– Теперь вот что. Тебе нужно сделать анонимный звонок в полицию и сообщить, что этот говнюк Пито толкает дурь малолеткам. Очевидно, что наркотой ее снабжает он. А что касается Ясмин... – Ненадолго задумавшись, она забарабанила по столу кончиками пальцев. – Дай ей немного времени. Разумеется, она будет на тебя злиться.

Это было преуменьшение. Прошли недели, прежде чем Ясмин снова начала со мной разговаривать, а все произошедшее негативно сказалось на наших отношениях с Самиром.

Почему я прежде не поговорила с ним? И какая необходимость была посвящать постороннего человека в проблемы Ясмин? Это семейное дело, такие проблемы люди решают внутри семьи.

Я пыталась объяснить, что всего лишь хотела ей помочь. И ему тоже, кстати, потому что, вскрыв эту проблему наедине с Ясмин, я избавила его от необходимости делать это самому.

Мне кажется, он меня услышал.

Однако на этом история не закончилась. Я сделала все, как велела Белла. Позвонила в полицию и сообщила о Пито, а через некоторое время к нему явились с обыском, в ходе которого в его квартире обнаружили наркотики в большом количестве. Его арестовали и вновь осудили по той же статье. Во время следствия Ясмин несколько раз вызывали на допрос.

Я никогда не рассказывала ей, что это я сообщила в полицию, но Ясмин подозревала об этом. Взгляд, которым она смотрела на меня всякий раз, как ее вызывали на допрос, был полон отвращения.

Мне стало казаться, что Ясмин меня ненавидит.

* * *

Наступил вечер субботы – прошли почти сутки с тех пор, как собачница видела двух человек на вершине утеса Кунгскиппан. Наш остров вновь накрыла тьма. А наступал ли вообще день? Я не помню. После того, как уехала полиция, я решила посвятить время Винсенту. Мы занялись выпечкой, не потому даже, что нам нужен был хлеб – морозильная камера и так была им заполнена доверху, – а потому, что Винсент лучше всего умел делать именно это.

Самир вновь отправился на поиски Ясмин.

Разумеется, не было никакого смысла в том, чтобы бродить в одиночку в темноте, разыскивая человека, который пропал почти сутки назад. Но, конечно, если бы дело касалось Винсента, я поступила бы точно так же.

Мы с Винсентом попили чаю со свежеевыпеченной французской булкой, и я уложила его спать. Он казался немного спокойнее, снова спрашивал о Ясмин, но был не так сильно расстроен. Винсент сильно переживал о моем самочувствии. Его стремление брать на себя ответственность за мои чувства и чувства других членов семьи просто разрывало мне сердце. Наверное, это была обратная сторона медали – интуитивно понимая нас, он считал своим долгом утешать, наводить порядок и чинить поломанное.

Самир вернулся домой в половине десятого, дрожа от холода. Бледный и подавленный, он снова прошел в кухню и молча сел на стул. Самира непрерывно трясло, несмотря на то, что я сразу укутала его пледом.

Я ощущала такую беспомощность! Я так хотела ему помочь и хотела помочь Ясмин, но не знала, как.

Была ли она жива? И что на самом деле произошло?

Летели часы, и моя способность мыслить ясно постепенно возвращалась. Я сделала попытку проанализировать ситуацию, выдвинуть гипотезу, которую можно было бы доказать или опровергнуть.

Пыталась понять.

Я взглянула на мужа.

– Еще чаю?

Он покачал головой.

– Нет, спасибо.

– Послушай, – начала я. – У тебя есть мысли, что могло случиться?

Он отвернулся от меня и уставился в окно. В темном стекле я видела отражение любимого человека, уставшее лицо которого ничего не выражало.

Я слегка откашлялась.

– Ты считаешь, она могла... Она хотела что-то с собой сделать?

Он ничего не ответил, но я видела, как он сжал кулаки. Руки его лежали на коленях, и Самир снова и снова сжимал их.

– А эти люди на скале, которых заметила собачница, – продолжала я. – Как их вообще кто-то мог видеть? На улице темно, как в пещере, а тропа проходит довольно далеко от обрыва.

– Вчера быть луна.

– Правда?

– По крайней мере, когда я укладывала Винсента, она светить.

Я задумалась. Когда мы пробирались по лесу на Сандхамне, луны не было – стояла первозданная темнота. Но это, конечно, было уже несколько часов спустя.

Я села на стул подле Самира и накрыла ладонью его сжатый кулак.

– Самир, поговори со мной. По-настоящему. Ты ведь знаешь Ясмин гораздо лучше. Ты думаешь, она могла...

Я не сумела закончить фразу.

И это случилось. Самир сломался. Он уронил голову, лбом упершись в стол. От завладевших им рыданий по всему телу пробежала дрожь. Тоненькие ниточки слюны свешивались вниз из приоткрытого рта.

– Да, – выдохнул он. – Да. Я думаю, она покончила с собой.

6

Утро понедельника, два дня спустя после исчезновения Ясмин

Воскресенье прошло в состоянии невыносимого вакуума, который я начинала воспринимать как норму. Самир разговаривал по телефону – с Мухаммедом, а потом с начальником из Каролинского института. Я звонила Грете, а потом директору школы, чтобы сообщить, что буду отсутствовать еще несколько дней. Еще я позвонила маме.

Когда она узнала, что произошло, то заплакала. Мама никак не могла уложить в голове, что Ясмин, невинное и хрупкое существо, могла покончить с собой или, хуже того, стать жертвой преступления.

Нет, что-то подобное совсем не приходило в голову. Даже я, оказавшись в центре этого урагана, не воспринимала всерьез, что Ясмин, вероятно, мертва. Что она ушла навсегда, на веки вечные. Что она больше никогда не ворвется в дом, со всей дури хлопнув дверью, и не закричит:

– Привет, я дома!

Что мне больше никогда не придется подбирать с пола ее одежду или просить ее сделать музыку потише. Что я больше не увижу, как они с Винсентом угнездились на диване, под пледом, а Ясмин вслух читает какой-нибудь детектив или триллер, или любую другую книжку, которая совсем не предназначена для детей.

Сердце болело. В основном, конечно, за Самира – он ведь уже потерял половину своей семьи из-за ужасного несчастья, но еще и за Винсента. Ясмин стала ему сестрой, которой у него никогда не было, а теперь она исчезла.

Это было несправедливо. Это было неправильно. Это была насмешка над самой жизнью.

Все, кто когда-то теряли близких, знают, что горе несет с собой боль, и не только душевную. Тело ломит, голова горит, дышать становится тяжело, словно грудь стянули веревкой. От горя немеют. Оно окутывает сознание какой-то пеленой, оболочкой, которая амортизирует каждый позыв к действию. Несмотря на все это, я пыталась не дать нашей жизни развалиться на куски. Провожая Винсента в школу, несла какую-то чушь про выпавший снег, тщетно пытаюсь вернуть себе мало-мальское ощущение нормальности. Винсент провожал меня долгим печальным взглядом. Он все понимал, мой милый мудрый малыш.

По пути домой я не смогла удержаться, чтобы не пройти мимо утеса Кунгсклиппан. Белоголубая ограничительная лента, привязанная к чему-то вроде переносных козлов, трепыхалась на ветру, но вокруг я не заметила ни полицейских, ни кого-то еще. Далеко внизу проплывал какой-то сухогруз по пути в Стокгольм.

Я уже подумывала перелезть через ленту и подойти к обрыву, надеясь, вероятно, увидеть нечто такое, что помогло бы мне разобраться в произошедшем. Но страх, что меня могут увидеть за лентой, удерживал на месте. Возможно, я боялась посмотреть вниз, на черную воду и острые камни у подножия утеса. Боялась, что увижу там себя, увижу ситуацию, в которой оказались я и моя семья. Потому что если и было для этого подходящее место, то именно пропасть.

Мы с Самиром сидели за кухонным столом. Оба не произносили ни слова, потому что сказать было нечего.

Я посмотрела в окно. Из-за сильного снегопада было не видно деревьев и крыши усадьбы Кунгсудд. Замерзшие коричневые пятна на лужайке – следы ботинок Винсента – теперь были покрыты толстым слоем снега.

Между деревьями возникла тень и раздался скрип тормозов. В следующий миг на нашей подъездной дорожке показался автомобиль, из которого вылез мужчина с портфелем подмыш-

кой. Он немного помедлил, вероятно, разглядывая наш дом, а затем направился ко входу. Несмотря на то, что вместо кепи на нем была толстая шапка с ушами, я сразу его узнала. Это был Гуннар, симпатичный полицейский, который допрашивал Самира.

Раздался звонок, и я отправилась открывать дверь.

– Здравствуйте, – сказал он. – Мы можем поговорить?

Япустила его, и Гуннар пытливо на меня уставился, смахнув со лба несколько влажных прядей волос. Глаза у него были ярко-голубого цвета, а во взгляде читалось что-то, похожее на сочувствие.

– Как вы?

– Не особенно, – призналась я.

Промывав что-то неопределенное, он повесил на крючок куртку и шапку.

Мы прошли в кухню.

Гуннар кивком приветствовал Самира и сел на стул рядом с ним. Взгляд его скользнул по стенам – по рисункам Винсента и семейным фотографиям, на которых запечатлелось то время, которое теперь осталось позади. Затем Гуннар откашлялся.

– Как уже говорилось, мы сделали несколько находок на утесе и в его окрестностях. Я хотел бы продемонстрировать вам пару фотографий.

Он открыл портфель, достал оттуда тонкую стопку листов и положил один из них на стол.

На фотографии была кожаная куртка, которая лежала на чем-то вроде стола из нержавеющей стали. Она была мокрой, а в нижней части одного рукава – разорвана, но все же я сразу опознала эту вещь.

– Это куртка Ясмин, – сказала я. – Откуда она у вас?

– Ее нашли в воде, у подножия скалы.

Желудок скрутило, и меня накрыла внезапная волна дурноты.

– Простите, – смогла я выдать из себя, вскочила и метнулась в туалет. Едва я успела откинуть крышку унитаза, как завтрак – чашка чая и кусок испеченного Винсентом ржаного хлеба – поспешил меня покинуть.

Я встала, спустила воду, прополоскала рот, ополоснула лицо ледяной водой и тщательно вымыла руки. Потом взглянула на свое отражение в зеркале. Светлые волосы взлохмачены, пересохший рот напряжен, веки воспалены. Отчаяние глядело на меня отовсюду. Оно изменило мою кожу и черты лица. Оно сочилось из каждой поры, словно мое тело не могло или не хотело давать ему приют.

Когда я вернулась в кухню, Гуннар уже выложил на стол новую фотографию. На ней оказались сапожки Ясмин: черная замша, высоченные каблуки, на щиколотках – серебряные пряжки. Я помню, как мы их купили – я была против из-за высокой цены и их непрактичности.

Фото, должно быть, сделали на скале, потому что сапожки стояли на краю, на каменистом уступе, за которым были лишь пустота и море.

Самир сидел, закрыв лицо руками.

– Да, – проговорила я, желая помочь. Мне хотелось, чтобы ему не пришлось глядеть на эту картину, не пришлось произносить немыслимое. – Это ее сапоги, – закончила я.

– Хм, – промычал Гуннар, почесав небритый подбородок.

– Вы ее не нашли? – спросила я.

– Нет. На месте работают специально обученные собаки. И водолазы. Когда погода наладится, они продолжат поиски. Однако в том месте сильное течение, ее могло унести. Вам следует быть готовыми к тому, что на поиски тела потребуется время.

Когда он это сказал, возникло такое странное чувство. Он назвал Ясмин «телом». Никто до сих пор не произносил этого слова, не осмеливаясь сказать вслух, что Ясмин, вероятнее всего, мертва.

Образ Ясмин, утонувшей в черных водах, тут же возник перед глазами. Длинные волосы развеваются по плечам, глаза распахнуты. На мгновение мне показалось, что я там, с ней, и она тащит меня вниз, в холодную черноту.

– Мы также обнаружили следы крови, – произнес Гуннар.

– Крови? – переспросила я.

– На утесе. И вблизи сапог, и на камнях внизу, у самой воды.

Под ложечкой засосало, а во рту мгновенно пересохло. Дурнота вернулась, на этот раз, правда, не такая сильная, было больше похоже, что ноет диафрагма.

– Мы собираемся провести анализ ДНК образцов крови, – продолжал Гуннар. – Мне потребуется то, с чем можно будет их сравнивать.

– Но, – заикаясь, проговорила я, – у нас нет крови Ясмин.

Гуннар покачал головой.

– Прошу прощения, я неясно выразился. Нам не нужна кровь. Есть у вас ее зубная щетка или расческа?

– Конечно, – заверила я и поспешила за вещами.

Когда я вернулась, Гуннар поместил вещи Ясмин в пластиковые пакеты и тщательно их запечатал.

– Вас тоже придется типировать, – добавил он. – И взять отпечатки пальцев. Таким образом мы сможем исключить вас при проведении криминалистического исследования.

Я восприняла это как очередное оскорбление. Знаю, это, наверное, звучит глупо, но похоже было на вторжение: сначала в наш дом, а теперь и в наши тела. Настанет ли этому конец? Неужели не останется ничего личного, неужели не удастся сберечь ни один уголок нашей жизни?

– Хорошо, – сказала я.

– Отлично, я попрошу кого-то из коллег это организовать.

Когда Гуннар ушел, Самир пересел на диван. Он включил телевизор, там показывали гольф. Самир в принципе не интересовался спортом и, кажется, даже не смотрел на экран, наверное, просто хотел послушать что-то кроме собственных мыслей.

Самир перелистывал какую-то книгу, лежавшую у него на коленях. Немного поколебавшись, я подошла к нему. Хотела спросить, не проголодался ли он, но тут мой взгляд упал на книгу. Это был толстый, переплетенный в зеленую кожу и богато украшенный орнаментом из звезд томик, тисненый золотой арабской вязью.

– Что это за книга? – поинтересовалась я.

Самир посмотрел на меня без всякого выражения.

– Коран.

Я остолбенела. Самир не был религиозен, я даже не подозревала, что у него вообще был дома Коран. Потом рядом с ним я заметила блокнот и ручку. Неровными буквами там были выведены слова.

Ясмин. Сильви. Ясмин. Сильви. Ясмин. Сильви.

Строчку за строчкой Самир повторял одно и то же. Снова и снова записывал имена своих девочек.

Имена своих погибших девочек.

Немного позже в тот же день, наверное, около трех, вновь раздался звонок в дверь. Когда я открыла, на пороге оказался Том, одетый в тонкий непромокаемый плащ. Влажные волосы веревками свисали с его головы.

Мы обнялись.

– Я никак не могу в это поверить, – между всхлипываниями выговорил Том. – Не могу поверить.

Я высвободилась из его объятий и захлопнула дверь, которую настежь распахнуло сквозняком. В прихожую за это время намело снега, и он остался лежать на коврике.

– Входи, – пригласила я. – Я сделаю тебе чаю.

– Самир? – спросил Том.

– Спит.

На лице Тома отразилось облегчение.

Ни для кого не секрет, что Самир не одобрял отношения Ясмин и Тома, но с другой стороны, он не одобрял ни одного из приятелей дочери. Может быть, он был одним из тех отцов, которые никогда не могут смириться с тем, что их маленькие девочки выросли.

Я помогла Тому выпутаться из промокшего дождевика и повесила тот на плечики. Мы пошли в кухню. Я разожгла огонь в дровяной плите, больше для поднятия настроения, чем для тепла. Влажная древесина потрескивала, щелкала и свистела.

– Я не понимаю, – пробормотал Том со своего места. – У нее совершенно не было причин...

– Вот, – сказала я, вручая ему чашку чая. Потом присела рядом и аккуратно убрала с его лба мокрые волосы.

– Я любил ее. У нас с ней были «мы». Я хотел на ней жениться.

На этом месте я, честно говоря, удивилась. Конечно же, Том, как и прочие ребята, был ею сражен, пленен и околдован. И еще обманут, как мне кажется. Я знала, что он был в нее искренне влюблен, и даже однажды посоветовала ему остерегаться Ясмин. Но мне и на ум не приходило, что Том хотел связать с ней свою жизнь. Если бы я об этом знала, то была бы с ним более откровенна и сказала бы то, о чем действительно думала: Ясмин была незрелой, она не была готова к серьезным отношениям с кем бы то ни было. Ясмин была воплощением драмы, она умело манипулировала и плела интриги.

Даже после смерти она ухитрялась создавать конфликты.

Да, я в самом деле так подумала, но тут же пришла в себя и устыдилась.

Погибла молодая женщина, угасла юная жизнь. Моя собственная падчерица. Как вообще я могла такое подумать?

– Ты разговаривал с ней в пятницу? – спросила я.

– Нет. У меня были занятия. А потом я весь вечер был на работе. После мы пошли потусить. Разошлись уже поздно. – Он немного помолчал, а потом вновь заговорил: – Полиция спрашивала то же самое, а потом они стали допрашивать моего шефа и коллег. Хотели прослушать внутренние записи охраны из магазина, чтобы убедиться, что я был на месте. Чертовски некомфортно. Как будто они меня подозревают.

Мы немного посидели молча, прислушиваясь к треску дровяной печи и наблюдая, как снежинки, кружась, ложатся на землю. Том дергал заусенец возле ногтя, один за другим отрывая длинными худыми пальцами крошечные кусочки кожи.

– Она не казалась тебе подавленной? – наконец спросила я.

Он замотал головой, так что мокрые темные пряди заплясали по плечам, и уставился на меня удивленно, но в то же время с вызовом.

– С чего бы ей быть подавленной?

– Не знаю, – пожала плечами я. – По крайней мере, дома она вела себя отстраненно. И с Самиром они частенько ругались.

– По поводу?

Вопрос поставил меня в тупик. Не могла же я вот так рассказать ему. Только не в тот момент и не там. Откровенно говоря, я вообще никогда не стала бы этого делать.

– Не знаю, – солгала я. – Я не слишком хорошо знаю французский.

Последнее было чистой правдой. Во время всех этих ссор я понимала далеко не все сказанное. Но помню я все отчетливо: слова, которые они метали друг в друга, словно камни,

крики, плач. Испуганный взгляд Винсента, который забирался ко мне в кровать, потому что не мог уснуть – ведь папа Самир и Ясмин так рассердились. А почему они так рассердились? Ясмин обидела его? А если так, почему она просто не может попросить прощения, чтобы папа Самир успокоился?

Вопросы, вопросы, одни вопросы.

Ни на один из них я не могла дать ответ. Когда я спрашивала Самира, из-за чего они поссорились, он говорил, что это вопросы будущего Ясмин, ее образования. Вернее, дефицита этого образования – ибо количество ее пропусков в школе возросло до тревожного уровня.

Разумеется, в душе я знала, что он чего-то недоговаривает. Каждый раз, как возникала эта тема, Самир отводил взгляд и отвечал весьма односложно.

– Говорят, ее могли убить, – произнес Том, повернувшись к окну, за которым в голубоватых сумерках, не переставая, валил снег.

– Не знаю, стоит ли воспринимать это всерьез. Зачем кому-то желать смерти Ясмин?

Том медленно повернул ко мне лицо. Оно было мне знакомо с тех пор, как он был еще малышом. Теперь он возмужал, черты стали грубее, четче. Щетина на подбородке и маленькие морщинки вокруг глаз. Веки опухшие и красные от постоянных слез. Руки все время в движении – он заламывал пальцы, дергал свой заусенец, водил руками по столу.

Да, зачем бы кому-то желать Ясмин смерти?

7

Когда я впервые увидела Тома, мне было пятнадцать, а он и вовсе был малышом. Семейство Боргмарк проживало на одной из роскошных вилл внизу, у моря. Обычно я не водила знакомства с людьми оттуда – с нуворишами, как называл их папа.

Он много рассуждал о классах в обществе, для него эта тема была важна. Будучи убежденным социалистом, он рассказывал мне о невидимой, но непреодолимой стене, которая разделяет людей. Эта стена называлась классом. И она могла, вернее, должна однажды быть разрушена рабочими всего мира, объединившимися в общей борьбе. То, что сам папа при этом являлся винтиком в феодальном механизме, очевидно, его вовсе не беспокоило. Он служил, как до него служил его отец, садовником в усадьбе Кунгсудд, принадлежавшей семейству де Вег. Платили за это скудно, но папе в качестве вознаграждения было довольно и дома – завораживающей красоты коттеджа, построенного на рубеже веков, который утопал в буйной зелени.

Папа говорил, что в семье де Вег люди хорошие, просто не такие, как мы. Он говорил про них «старые деньги». Мне же не следовало допускать и мысли, что я могу стать одной из них, иначе, по мнению папы, не бывать мне счастливой.

Когда я спрашивала, что такое «старые деньги», он потирал широкие шершавые ладони и пояснял, что это – противоположность новых денег, которыми владеют люди с прибрежных вилл.

– Какие же деньги тогда у нас? – спрашивала я.

Папа долго и громко смеялся.

– У нас, Мария, нет никаких денег. И ты должна этим гордиться. Каждая лежащая в банке крона у кого-то отобрана, или же люди от скудости не смогли ею поделиться.

Папа не изменил бы своим политическим взглядам до самой смерти – даром что в социальном государстве Швеция классовое общество давным-давно кануло в Лету. По крайней мере, так считала я – мне не пришлось стоять с протянутой рукой, уйдя от семейства де Вег, а в доме, граничившем с усадьбой, мы не были крепостными. Ну а в школе мне и в голову не приходило дифференцировать детей в зависимости от их происхождения.

Так или иначе, родители Тома Боргмарка были из нуворишей. Когда родился Том, у них уже было две маленькие дочки, и жили они в одном из самых просторных домов на побережье. Это было сооружение из бетона в стиле модерн, которое мама называла бункером.

Отец Тома работал в финансовом секторе, не помню точно, чем он занимался, а мама нигде не работала, но, тем не менее, все время была очень занята различными благотворительными проектами. То обезьян нужно было вызволять из неволи в Африке, а затем – реабилитировать, то лечить больных раком детей, то бороться за права женщин третьего мира, которых необходимо просвещать в отношении планирования семьи и экономики.

В общем, по факту мать Тома была так занята, что ей необходима была помощь по уходу за новорожденным сыном. Поэтому она решила повесить объявление в местном супермаркете. Я помню, как увидела его – такой рукописный листок с отрывными полосками, на которых был номер телефона. Я училась на втором курсе гимназии и как раз только что лишилась подработки, потому что магазин, в котором работала, внезапно закрылся – там определенно не обошлось без черного нал.

Очевидно, деньги бывали старые, бывали новые, а бывали и такие.

Я позвонила по указанному номеру, прошла что-то вроде собеседования в их большом доме, которое, правда, больше походило на посиделки с кофе, и уже через несколько дней впервые осталась нянчить Тома.

Он был совсем малыш, с гладкой кожей и лысой макушкой. Глаза у него были большие, голубые, вечно удивленно распахнутые. Своими пальчиками он с удивительной силой хватался

за мои, толстенькие ножки его непрестанно мельтешили в воздухе, а в маленьком животике постоянно что-то булькало и бурчало от колик, которые время от времени заставляли бедняжку верещать часы напролет.

Помню, я была вне себя от страха ему навредить. У меня не было младших братьев и сестер, и я совсем не знала, как обращаться с малышом. Он казался таким хрупким – я боялась нечаянно уронить его на пол или сделать больно.

Со временем я стала увереннее и уже смелее поддерживала его головку. Смена подгузников, одевание, купание – все это в итоге оказалось не сложнее игры в куклы. Только Том не был куклой. Он был моей первой любовью, очаровательным крошечным существом, которое недополучало внимания от собственных родителей.

Поначалу я оставалась с ним раз в неделю, но со временем стала приходить чаще. Это была моя единственная подработка за время учебы. Уже позднее, когда я стала учительницей и работала полный день, я продолжала смотреть за Томом в выходные и по вечерам.

Том рос быстро. Раньше я даже не подозревала, какая воля к жизни заключена в хрупком внешне детском тельце. Когда Тому исполнилось шесть, он сделался пухляшом, за что в классе его дразнили. Со своими печальми он приходил ко мне: всхлипывая, рассказывал про злые слова, пинки и тычки. Я его обнимала и утешала, объясняя, что он красив и умен такой, какой есть, и ни у кого нет права говорить ему гадости.

Однажды, когда Том ходил во второй класс, он пришел домой весь в крови и замерзший. Одноклассники заставили его раздеться догола в какой-то яме, а потом стали кидаться в него камнями. Я пришла в ужас и бросилась разыскивать его мать, чтобы обсудить все с ней. Но на этом дело не закончилось, я позвонила еще и его учительнице, а поскольку та не восприняла проблему всерьез, дошла до директора. Я чувствовала ответственность за Тома, подозревая, что его родители ничего не станут предпринимать, чтобы положить конец травле, которой мальчик подвергался. Если уж совсем честно – *я знала*, что они ничего не станут делать, у них было полно забот со старшими детьми и с собственной по часам расписанной роскошной жизнью.

Иногда я нянчилась и с Казимиром де Вег. Они с Томом были ровесники. Казимир вместе с семьей жил в усадьбе. Им было весело вместе, Тому и Казимиру, несмотря на то, какими они были разными. Казимир, блондин, с самого детства отличался атлетическим сложением. Он был крепок – и духом, и телом. Ничто не могло вывести его из себя. Я часто желала Тому стать похожим на Казимира, только не ради меня – я-то любила его таким, какой он был, – но ради него самого. Том нуждался хоть в толике тех спокойствия и уверенности в себе, коими обладал Казимир.

У Казимира, как и у Тома, было двое старших братьев: Дуглас и Харольд. Дуглас был приветлив, а Харольд еще в детстве стал задирой, и я изо всех сил старалась держаться от него подальше.

Со временем, несмотря на все это, Тому стало полегче, но я не могу утверждать, что заслуга в этом целиком моя. Многие изменилось в его жизни. В старших классах он сменил школу, завел новых друзей, которые стали ему просто друзьями. Том сбросил все те лишние килограммы разом, за одно лето. Выпуклый живот и двойной подбородок куда-то втянулись, и остался высокий и широкоплечий молодой человек с копной выющихся каштановых волос. Однако неуверенность и чувствительность, которые были с ним с детства, никуда не делись. Я видела это по его глазам, когда друзья говорили ему что-то, что можно было истолковать как критику, или когда он смотрел на девочку, в которую был влюблен. Я словно воочию видела отчаяние, которое прочно обосновалось в его сердце – оно было словно маленький зверек, всегда на страже, всегда с ним. Когда оно подавало голос, вмешивалась я и была ему той матерью, которой у Тома никогда по-настоящему не было.

Само собой, я давно не была его нянькой, но Том оставался моим другом, и за это я всегда была ему благодарна. Я принимала эту дружбу всерьез, старалась соответствовать и не предавать его, как делали многие другие. Даже если мы подолгу не виделись, я всегда находила время поболтать с ним по телефону, а порой мы выходили прогуляться вдоль берега или ходили пообедать вдвоем. Мы говорили о жизни, о девушках, которые ему нравились, и о будущем.

Когда родился Винсент, Том принес цветы. Он был одним из немногих, кто искренне поздравил меня, не выразив попутно сожаления по поводу наличия у ребенка синдрома. И с Винсентом Том всегда был мил – он видел в моем сыне человека, а не синдром.

То, что Том – одаренный ребенок, стало ясно довольно рано. Почти по всем гимназическим предметам он получал высшие оценки. Конечно, иногда я помогала ему с домашним заданием, но вообще-то Том не нуждался в моей поддержке – в нем жило природное стремление постигать.

Окончив гимназию, Том посвятил год путешествиям – катался на лыжах, бродил по тропам Непала, занимался виндсерфингом на Шри-Ланке. В общем, делал то, что обычно делает молодежь – та, у которой водятся деньги – старые, новые или даже черные. Вернувшись домой, Том поступил в Высшую школу экономики – казалось, он решил пойти по стопам своего отца.

Я долго размышляла над этим его решением, потому что вовсе не была уверена, что для Тома это правильный выбор. Мне всегда казалось, что ему нужно работать с людьми, выбрать профессию, где пригодилась бы его чувствительность. Может быть, медицина или психология. Но я понимала, что вмешиваться не стоит – теперь Том был взрослым и принимал собственные решения, а я не собиралась ставить под сомнение его жизненный выбор.

Когда я поняла, что Том и Ясмин стали парой, то заплакала. И то были не слезы счастья. Понимаю, что звучит это ужасно, Ясмин ведь не желала ничего плохого, но именно так у нее обычно все и выходило. А Том, он ведь только-только смог разобраться со своей жизнью – нашел настоящих друзей, начал учиться. Кажется, в нем даже стало возрождаться чувство собственного достоинства, которое он так долго попираал.

Вероятно, познакомились они у Казимира. Наверху, в усадьбе, часто устраивались вечеринки, когда родители были в отъезде. Иногда музыка доносилась до нашего дома. Однажды утром возле клубничной грядки у себя в саду мы обнаружили мертвеца пьяного молодого человека – его смокинг болтался на кусте крыжовника в нескольких метрах отсюда, а бабочка валялась в росистой траве, похожая на длинного черного слизня.

Иногда Ясмин тоже приглашали на эти вечеринки, и вот в один из таких случаев Том и обратил на нее внимание. Они стали довольно плотно общаться – Том, Ясмин и Казимир. Эта разношерстная троица частенько болталась в усадьбе. Чем они там занимались, ума не приложу. Что делают люди в их возрасте?

Слушают музыку, пьют вино, познают свою сексуальность?

Самир, который едва отошел от истории с Питом, совсем не обрадовался, узнав, что у Ясмина появился новый приятель. Он допросил меня с пристрастием:

– Этот Том, он хороший?

– Да, – заверила его я. – Он отличный парень. Одаренный, организованный. Вдумчивый. Я больше переживаю за то, как обойдется с ним Ясмин.

Самир ошарашенно на меня посмотрел.

– Ты иметь в виду что?

– Ну Ясмин ведь такая... – Я замаялась, переформулирую мысль в дипломатическом ключе. – ...юная, – нашлась я. – Она такая юная, и у нее так много поклонников. Для него это может оказаться непросто.

Однажды вечером, пару месяцев спустя, мы с Самиром отправились на концерт, а Винсент остался ночевать у моей мамы.

Мы вернулись домой довольно поздно, наверное, около часа ночи. Едва мы потушили свет, собравшись ложиться, как с улицы до нас донеслись какие-то голоса, хихиканье, тихий свист и невнятное бормотание, которые то смолкали, то вновь напоминали о себе в ясном свете звезд той осенней ночью.

Мы с Самиром оба подошли к окну – наш дом находился на отшибе, и здесь редко появлялись посторонние, если только у них не было к нам дела, а уж тем более в такое позднее время.

В темноте за окном я смогла рассмотреть двоих.

Ясмин и Казимира.

Ясмин была босой и, смеясь, пританцовывала перед ним, покачивая бедрами и откидывая назад голову, так что длинные волосы ее почти касались травы.

Я глядела на них, не осознавая, что могло произойти. Должно быть, немного рассеянно я тогда подумала о Томе – куда он подевался. Мы с Самиром выпили пару бокалов вина, так что в точности ход своих тогдашних мыслей я воспроизвести не могу.

В следующий миг Казимир наклонился, схватил Ясмин за запястье и притянул к себе.

Я не сразу поняла, что они целуются. Решила, что они пьяны и Ясмин просто держится за парня.

Но Самир видел. Он все понял в то же мгновение.

– *Mierde!*¹¹ – выругался он, натянул джинсы и как был, полуголый, помчался вниз по лестнице.

Я так и осталась стоять у окна. Распахнулась входная дверь, и на улицу выскочил Самир, размахивая перед собой руками.

Я не могла разобрать его слов, да это было и не важно.

Мыслями я была в другом месте – рядом с маленьким толстячком, который вырос на моих глазах, стал взрослым и поверил, что смог поймать самую красивую птичку в лесу.

* * *

Вечером, примерно через неделю после инцидента с Казимиром, Том постучался к нам в дверь.

– Ясмин дома? – запыхавшись, спросил он, едва я открыла.

– Думаю, она на работе, – отозвалась я. – Что-то случилось? Мне попросить ее тебе перезвонить?

Он покачал головой и как-то весь съежился, устался в землю и запахнул куртку плотнее, чтобы укрыться от пронизывающего ветра.

– Заходи, посиди немного, – предприняла я попытку. Том выглядел таким убитым, что я заподозрила, что Ясмин могла с ним порвать.

Он снова покачал головой.

– Мне нужно...

– Пойдем, прогуляемся немного, – прервала я его. – Мне нужно подышать свежим воздухом.

Я накинула одну из курток Самира и обула резиновые сапоги на теплой подкладке.

Мы с Томом в молчании зашагали.

Вечерний воздух был напоен ароматами осени – там были и преющая листва, и подгнивающие опавшие яблоки, и дым от далекого костра, и, конечно, море – на Королевском Мысе всегда ощущалось его присутствие рядом. В темноте ветер гнал одинокие листья, и время от времени на мою щеку падали капли дождя.

¹¹ Дерьмо (франц.).

– Как вообще дела? У вас с Ясмин? – заговорила я.

Том замер, повернулся ко мне вполоборота и уставился куда-то в темноту.

– Не знаю, она такая... Я как будто никогда не могу быть в ней уверен.

Я положила ладонь ему на плечо и тихонько сжала его, размышляя, что здесь можно сказать.

– Ты достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать решения в жизни, только будь поосторожнее. С Ясмин.

Указательным пальцем Том потер у себя под носом и перевел взгляд на меня.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что она очень юна. И переменчива, что вполне соответствует ее возрасту.

Том слегка повел плечом, освобождаясь от моей руки, и заглянул мне в глаза.

– *Переменчива*? Что это значит?

Глядя на порхавшие вокруг листья, я подумала, что слово «порхать» подошло бы здесь как нельзя лучше, но я и так уже сказала слишком много. Я любила Тома и желала его защитить, но предостеречь его могла лишь в такой форме.

Мы с Самиром, конечно, обсудили то ночное происшествие между Ясмин и Казимиром. Мы оба согласились, что Ясмин необходимо было прийти в себя, и не только потому, что от всех этих вечеринок страдала ее учеба. Она играла с чувствами людей, не придавая им ни малейшего значения. Разумеется, она имела право встречаться с парнем, но если уж они с Томом были парой, то крутить за его спиной с Казимиром было бессовестно и жестоко.

– Просто будь осторожнее, – повторила я, сдерживая порыв рассказать ему больше. – Береги себя. И Ясмин, конечно.

8

После исчезновения Ясмин миновала неделя. Семь дней хаоса и отчаяния, тишины, ожидания и вопросов, которые возникали в сознании, но не озвучивались – мы боялись, что они так и останутся без ответа.

Тело Ясмин не было найдено.

Поиски все еще продолжались, но теперь в усеченном формате. Я предполагаю, что полиция также продолжала работу над другими версиями, однако с нами они делились информацией весьма сдержанно. Они звонили каждый день, но сообщали всегда одно и то же: нет, к сожалению, мы до сих пор ее не обнаружили; нет, новой информации у нас не появилось.

Мы жили, нет, существовали, словно ощущая повторные толчки землетрясения. Нас раздирало между надеждой и отчаянием, и единственное, что мы могли делать, – это ждать. Самир был молчалив, но на удивление собран. Часами он сидел перед выключенным телевизором, сложив руки на коленях. Я взяла на себя текущие дела – готовила еду, отводила и забирала Винсента из школы, вскрывала почту и отвечала на звонки.

По пути в магазин и обратно мы с Винсентом наблюдали, как соседи украшают дома к Рождеству: вешают звезды, зажигают подсвечники на подоконниках. Заготовленные елки стояли прислоненными к стенам, ожидая, когда же их, наконец, внесут внутрь и станут наряжать.

Мы приняли решение не праздновать Рождество, по крайней мере не праздновать его так, как обычно. Винсент, разумеется, должен был получить свои подарки, но мы решили рождественский стол не накрывать и в первую очередь отказаться от встреч с друзьями и знакомыми.

Когда я доставала из шкафа подарки Винсента, собираясь, как обычно, выложить их перед изразцовой печью в гостиной, из общей кучи выпали два красных блестящих свертка.

Это были подарки, которые я купила для Ясмин.

Больше всего она мечтала о мобильном телефоне, но ни я, ни Самир не считали это хорошей идеей. Они стоили бессовестно дорого, к тому же она вполне могла воспользоваться телефоном-автоматом, если хотела позвонить кому-то из города.

Вместо телефона я купила ей в Н&М блузку, которую она хотела, и тушь, реклама которой обещала супердлинные ресницы.

Я запихнула свертки на верхнюю полку шкафа, спрятав их за старыми вышитыми льняными скатертями моей бабушки.

Пару раз до Рождества приходила мама, принося с собой готовую еду в контейнерах. Там были лазанья, мясные тефтельки и рыбная запеканка. Шафранные булочки люссекаттер она тоже испекла, зная мою к ним любовь. Я изо всех сил старалась продемонстрировать благодарность, хотя была в принципе не в силах общаться с кем-то помимо Самира и Винсента.

Время от времени приносили цветы от коллег и друзей, которые были в курсе ситуации. Мы ставили их в гостиной, и Винсент, страдавший аллергией, шмыгал носом всякий раз, как приходил туда посмотреть телевизор. В целом, он неплохо справлялся, вероятно, потому что не понимал масштаба случившегося. А может быть, просто старался не расстраивать нас с Самиром.

Позже я поняла, что так оно и было.

Но все равно, каждый день Винсент по несколько раз, а то и больше, интересовался, когда вернется Ясмин. Наконец, думаю, прямо в Рождество, я отвела его в сторонку – не хотела, чтобы Самир слышал, – и объяснила, что Ясмин умерла и домой она не вернется.

Винсент смотрел на меня своими большими светлыми глазами. Взгляд и выражение лица у него были очень сосредоточенные, словно он пытался решить задачу по математике.

– Умерла? Как Пушистик?

Пушистик – это его несчастный хомяк, которого нам вовсе не следовало заводить. Он принес только массу хлопот, а еще по ночам мешал спать Винсенту, бесконечно крутя свое нелепое колесо.

– Да, – согласилась я. – Как Пушистик.

На второй день Рождества, едва мы успели позавтракать, раздался стук в дверь.

Я пошла открывать прямо в пижаме, халате и тапках – снова похолодало, и дома мы ходили закутанные, а изразцовую печь топили с самого утра.

На пороге стояли Гуннар и Анн-Бритт, те самые, из Государственной уголовной полиции. С ними были несколько полицейских в форме, с которыми я не была знакома.

В прихожую из гостиной вышел Самир. В отличие от меня он был уже одет. Толстый вязаный свитер из исландской шерсти принадлежал когда-то моему отцу, а джинсы на нем были самые обычные, старые, которые хорошо сидели на попе, но на коленях уже протерлись до дыр. Немытые волосы свисали сосульками на лицо, а движения были какими-то замедленными, словно за рождественские выходные он постарел на десяток лет.

Полицейские коротко поздоровались и пояснили, что Самиру придется проследовать вместе с ними в участок. У полиции имелись основания подозревать его в убийстве, и прокурор принял решение о задержании. Все, что они говорили потом, я просто не слышала, пребывая в шоке. Помню только, как кричала:

– Самир никогда не смог бы навредить Ясмин! Вы ошибаетесь!

Гуннар остановил меня, накрыв мою руку своей ладонью и глядя на меня своими до странности голубыми глазами.

– Пойдемте, Мария. Мы с вами пройдем в кухню, и я вам все объясню.

– Нет! – закричала я, когда Самир стал надевать парку, чтобы идти с полицейскими. – Не трогайте его! Он ничего не сделал!

Я вцепилась в Самира, и пару мгновений мы с полицейскими словно перетягивали канат. Старший из тех, что были в форме, удерживал Самира за одну руку, а я изо всех сил тянула за другую.

– Разойтись! – громко скомандовала Анн-Бритт, и я тут же послушалась, пребывая в шоке от ее голосовых способностей, равно как и от собственного поведения, собственного страха и вышедшего на физический план защитного инстинкта.

Самир обернулся и посмотрел на меня; взгляд его темных глаз был полон муки, голова безвольно поникла.

– Все хорошо, Мария, – проговорил он. – Все образуется. Я скоро вернусь.

Когда полицейские в форме увели Самира, Анн-Бритт и Гуннар провели меня в кухню и предложили присесть.

– Налить вам чего-нибудь? – спросил Гуннар. – Чаю, стакан воды?

Я была не в силах ответить, слезы потекли по щекам, и тело против воли задрожало. Меня охватил озноб, но виной тому был не привычный зимний холод, а какой-то новый, который родился у меня внутри и теперь медленно, но верно завладевал всем телом.

Анн-Бритт села напротив меня. Ее мягкие черты больше не выглядели мягкими, а голос звучал официально.

– Мария, ваш супруг задержан. После предъявления официального обвинения с ним будет проведен допрос. В течение трех дней прокурор должен принять решение о мере пресечения. До суда ваш супруг может быть отпущен либо будет содержаться под стражей. – Она ненадолго прервалась, словно давая мне время усвоить услышанное. – Прокурор также выдал ордер на обыск в вашем доме. Наши криминалисты уже в пути. Нам потребуется доступ в ваш дом и к вашим автомобилям. Если не возражаете, вам мы тоже зададим несколько уточняющих вопросов.

Я не могла говорить. Слов не осталось. Они покинули меня в тот миг, когда Самира увели через нашу дверь. Внутри меня, пытаясь вырваться, метался крик, но когда я открывала рот, раздавалось лишь тихое бессильное поскуливание.

Гуннар тоже взял себе стул, сел рядом и вытащил маленький диктофон.

– Мария, – начал он.

Потом дал мне время собраться, насколько я могла, чтобы взглянуть ему в глаза. Тогда он снова накрыл своей ладонью мою руку. Она была теплой и тяжелой.

– Не представляю, через что вам сейчас приходится пройти, но верю, что вы тоже желаете найти истину. Самира обвиняют в тяжком преступлении, так что если вам известно что-нибудь, что может оказать влияние на ход следствия, будет лучше для всех, если вы прямо сейчас расскажете об этом. Укрывательство преступника карается законом. Ради себя и Винсента вы должны быть с нами честны.

И он нажал на кнопку записи.

Я протянула руку за одной из салфеток с гномиками, которые лежали на столе, и высморкалась.

– Но мне нечего рассказать, – простонала я. – Он бы никогда, никогда в жизни не смог навредить Ясмин.

– Как вы можете охарактеризовать отношение Самира к женщинам? – спросила Анн-Бритт.

– Отношение к женщинам? А это здесь при чем?

– Что Самир думает о женщинах в профессиональной сфере? Или о женщинах, вступающих в отношения вне брака?

– Он... Простите, но это абсурд.

– Отвечайте на вопрос, – отрезала Анн-Бритт, открыв блокнот и щелкнув авторучкой.

– Он справедливый, современный... Боже мой, он же буквально... богемный человек! Любит петь, смотреть интеллектуальное кино. Он голосовал бы за левых, если бы имел возможность. Да он больший феминист, чем я! Не знаю, что вы там думаете, но...

– Мы ничего не думаем, – сказала Анн-Бритт, делая быстрые пометки. – А как он относится к религии?

– К религии?

– Он верующий? Он ведь мусульманин?

Я уставилась на нее, постепенно соображая, куда она клонит. Той осенью я, как и остальные жители Швеции, читала в газетах о юной курдской девушке, Пеле Атросхи, убитой собственным отцом и его братьями во время путешествия в Ирак из-за того, что они не могли принять стиль ее жизни. Это назвали убийством чести, и сама мысль о том, что родитель может убить собственного ребенка, вызывала у меня мурашки по телу.

– Нет, – ответила я. – Нет. Вы все переворачиваете с ног на голову. Самир совершенно не религиозен.

– Он ведь вырос в марокканской семье? – уточнила Анн-Бритт.

– Он вырос во Франции! – закричала я. – В Париже, не в Марокко! Он совершенно не религиозен, а самое главное, он не имел предубеждений об образе жизни Ясмин, хоть ему и стоило бы обратить на это внимание.

– А почему ему стоило бы сделать это?

На меня навалилась вселенская усталость, будто всю мою жизненную силу высосала эта пухлая седовласая женщина, сидевшая напротив. Голова падала, во рту пересохло, обессиленные руки безвольно лежали на столе, словно два куска мяса.

Я посмотрела в окно, на прозрачное зимнее небо и снег, лежавший на деревьях и кустах. Лучи солнца пробивались сквозь облака, расцветив пейзаж широкими мазками золота, кото-

рые красиво контрастировали с темно-синими тенями. Мимо пролетели несколько ворон, а в остальном вокруг царил полный покой.

Как в мире может быть так тихо?

Моя жизнь была окончена. Она была словно поезд, покинувший станцию, словно лодка, которая исчезла из виду, словно угасшая мелодия, которая еще звучала в ушах.

Как, черт побери, там могло быть так тихо и красиво?

– Она была подростком, – прошептала я. – Ходила на вечеринки. Не старалась в школе – не так, как стоило бы. Я считаю, он должен был говорить с ней более жестко, но Самир был слишком мягок.

– Они много ссорились?

Ручка Анн-Бритт скрипела по бумаге.

Я задумалась. Сыграют ли мои слова какую-то роль? Смогут ли они понять?

Моя голова медленно опустилась, мне показалось, что что-то тянет меня к полу и дальше, в пропасть, которую не окинуть взглядом. В ту пропасть, в которую превратилась моя жизнь после исчезновения Ясмин.

– Нет, – солгала я, прикрыла веки и прислонилась щекой к прохладной поверхности стола. – Конечно, они ругались друг с другом, но не чаще, чем я ругаюсь с Винсентом.

9

Сказав полиции, что Ясмин с Самиром ругались не так уж часто, я солгала.

Солгала, потому что боялась, что они не поймут – не смогут или даже не захотят.

Оба они – и Ясмин, и Самир – обладали горячим нравом. Отношения у них были очень сердечные, но бьющие через край эмоции время от времени необходимо было выплескивать: иногда выкричаться, а иногда и метнуть в стену стакан или тарелку.

Я постоянно задавалась вопросом, где коренилась причина такой вспыльчивости. Мы с Винсентом не скандалили никогда. Разумеется, я порой бранила его, могла разозлиться, если утром он слишком медленно собирался или вообще хотел валяться в кровати с приставкой «Геймбой», вместо того чтобы идти на футбольную тренировку. Иногда он откровенно ленился. Как и все дети с синдромом Дауна, Винсент освоил маленькие хитрости, чтобы заставить окружающих плясать под свою дудку. Он потрясающе научился таращить глаза, умел напускать на себя совершенно несчастный вид, просил помощи в том, чем попросту не имел желания заниматься, или же притворялся, что не понимает, чего от него хотят. Я не позволяла ему выкидывать такие штуки, что, конечно, приводило к ссоре. Но в основе своей наши отношения были гармоничны – нам с Винсентом не нужны были грубые слова и повышенные тона. Наше единство не нуждалось в укреплении, нам не требовались драматические жесты и эмоциональные взрывы.

Ссоры между Ясмин и Самиром стали гораздо интенсивнее за несколько недель до ее исчезновения. Они скандалили внизу, на кухне, а мы с Винсентом пытались уснуть наверху.

Я же не идиотка – догадывалась из-за чего или, скорее, из-за кого это все началось.

Том.

Претензии Самира носили в основном практический характер: Ясмин училась в последнем классе гимназии и подрабатывала в местном ресторанчике. То небольшое свободное время, что у нее было, ей следовало посвящать учебе, потому что итоговые оценки важнее романтического увлечения, которое все равно в скором времени сошло бы на нет.

Само собой, это была не вся правда – мы ведь оба только что пережили историю с Питом. И оба видели, как обнимались Ясмин с Казимиром той осенней ночью, как ее босые ступни почти отрывались от травы, а их губы сливались в поцелуе. Мы отдавали себе отчет, какой безответственной и несознательной могла быть Ясмин. Мне кажется, Самир хотел, чтобы она просто немного успокоилась: прекратила тусовочную жизнь, встречалась с *одним* мальчиком, одевалась как люди. К тому же Самир недолюбливал Тома, хотя я и не понимаю, почему.

– Не знать, – говорил Самир. – Что-то есть в этот Том. Я просто не могу доверять он.

Вновь и вновь я убеждала Самира в том, что Том – добрый и целеустремленный парень и что ему следовало бы радоваться, что Ясмин была именно с ним, коль скоро ей были так необходимы отношения.

Возможно, виной всему было происхождение Тома: его немного ограниченные родители – нувориши, их роскошный дом и люксовые авто. Самир не понаслышке знал, что такое вырваться из нищеты. Он потратил годы на учебу, был вынужден жить на стипендию и хвататься за любую подработку, чтобы оказаться там, где он был сегодня. Его бохо-стиль мог запросто ввести в заблуждение относительно его сущности, однако Самир много и упорно работал и перед Ясмин также ставил высокую планку – помимо прочего, шведскую школу он недолюбливал, и в целом шведское образование считал безнадежно слабым, уверенный, что более строгая дисциплина никому не повредит.

Однажды, наутро после очередной ссоры Самира с Ясмин, спускаясь вниз, чтобы приготовить завтрак, я обнаружила, что в кухонной двери зияет здоровая дыра. Выглядело это так, словно кто-то проломил ее ногой. На следующий день мы с Винсентом отремонтировали ее с

помощью картона и серебристой клейкой ленты. Получилось некрасиво, но, по крайней мере, у Винсента была возможность почувствовать себя важным – чинить и латать было доверено ему, как он и хотел.

В другой раз Ясмин вышла к завтраку с фонарем под глазом. Когда я спросила ее, что случилось, она ответила, что ударилась о дверцу шкафчика на работе, когда несла на кухню поднос с посудой. Самир со звоном опустил кофейную чашку на стол, смерил дочь долгим взглядом, а затем демонстративно вышел из кухни.

Я была сбита с толку.

Конечно, я поверила Ясмин – не было никаких оснований подозревать ее во лжи. Но меня смущала реакция Самира, его неприкрытый гнев. Тем вечером, уже угнездившись у него на плече и свернувшись клубком под одеялом на нашей большой кровати, я собрала с духом и спросила у него.

– Она врать, – только и сказал Самир, кончиками пальцев лаская мое плечо. – Она врать так давно, что уже верить в это сам. Но я дознаться до правды, я вытащить это из нее, даже если это быть последний, что я сделать.

Сама же я предприняла все возможное, чтобы помочь Ясмин – было очевидно, что девочка чувствовала себя плохо.

Однажды вечером, когда мы остались с ней вдвоем, я попыталась об этом поговорить.

– Ясмин, – позвала я. – Выпей со мной чашечку кофе.

Она нехотя подчинилась. Села напротив, как можно дальше от меня, и, не прикасаясь к напитку, уставилась в чашку, которую я перед ней поставила.

– У тебя все хорошо? – спросила я.

– Ага.

Ее взгляд не отрывался от стола, выражение лица было напряженным.

Так мы сидели какое-то время – я надеялась, что отсутствие вопросов с моей стороны сможет пробудить в ней какое-то доверие ко мне, как часто случается. Такой прием, бывало, срабатывал с моими учениками.

Но Ясмин ничего не сказала, только гладила чашку кончиками пальцев, не сделав ни глотка.

– Послушай, – предприняла я попытку. – Ты же знаешь, что бы ни случилось, ты можешь обсудить это со мной. Иногда полезно поговорить с кем-то кроме родителей. А мне совсем не все равно, что с тобой происходит.

– Ладно.

– Ну так как твои дела?

Я наклонилась над столом и накрыла ее ладонь своей. Она отдернула руку, словно от огня. Потом быстро смерила меня взглядом и снова уставилась в стол.

– Все в порядке.

– Точно?

– Да.

За две недели до исчезновения Ясмин мы с Винсентом очень поздно вернулись домой с ужина у Греты. Вообще-то возвращаться так поздно не предполагалось, но Винсент уснул у телевизора в компании дочурок Греты, поэтому мы с ней и засиделись за полночь – сплетничали и пили вино.

Придя домой, я застала в кухне плачущую Ясмин. Она так горько плакала, что худые плечики ходили ходуном. Самир сидел подле нее на корточках, прижимая к лицу дочери холодный компресс. На столе образовалась уже целая лужа из соплей и крови. На полу тоже была кровь, и на одной из стен – смазанный отпечаток ладони, испачкавший один из рисунков Винсента. Под стулом – куча скомканных окровавленных салфеток и куски бумаги.

Возле стула стояла черная нейлоновая сумка с надписью «Just do it», которую раньше я не видела. Я еще подумала, что в ней баскетбольная форма Ясмин.

– Прижимать сильнее, – сказал Самир, обращаясь к Ясмин, а затем перевел взгляд на меня.

Я бросилась туда как была – прямо в куртке и ботинках.

– Господи, – вырвалось у меня.

В дверном проеме показался Винсент.

– Ой, – сразу заволновался он. – Тебя нужно утешить?

– Винсент, иди к себе, – велела я.

– Но я...

– Ступай.

Винсент опустил голову и зашагал прочь, нарочито громко топая ногами. Даже когда он скрылся наверху, стук его шагов все еще доносился до нас.

– Что произошло? – спросила я.

– Ей нужен швы, – бросил Самир, принявшись ходить взад-вперед по кухне. Потом он вдруг запустил обе руки в волосы и осел на стул напротив Ясмин.

– Прижимать сильнее, я сказать! – заорал он.

Ясмин вздрогнула, но так и осталась сидеть, опустив голову. Длинные черные пряди свисали прямо в лужу крови.

– Губа рассечен, – проведя по щеке тыльной стороной ладони, проговорил Самир. Мне показалось, он плакал. – Повязка недостаточно, – продолжал он. – Я сам не зашить, дома нет инструмент. У нее выбита зуб, так что нужно везти ее еще и к стоматологу.

И тогда до меня внезапно дошло: он зол.

Самир был не просто зол, он был в ярости. Слова он словно выплевывал, быстро и резко. Все тело его было напряжено, рот искривился – раньше я видела его таким всего пару раз во время наших ссор.

– Самир, – заговорила я. – Тебе нужно успокоиться. Что произошло?

– Ей нужно в больницу. Ты отвезти ее?

– Я?

Сперва я не поняла, что он имел в виду. Логично было бы, чтобы Самир сам отвез Ясмин к врачу – она ведь была его дочерью. К тому же он ведь был медиком, и с другими медиками ему было бы проще общаться.

– Ты серьезно? Не лучше ли тебе этим заняться?

Самир вскочил так резко, что стул отлетел назад и впечатался в стену.

– Когда-то ей придется набраться ум, Мария. Когда-то же ей придется взять ответственность за свой поступки. Когда-то ей придется повзрослеть, иначе она пропадать в жизни.

– Я не могу ехать, Самир. Я пила вино, мне нельзя за руль.

Всхлипывания Ясмин затихли.

– Простите, – проскулила она. – Простите.

Я присела на корточки рядом с ней и положила руки ей на плечи. Аккуратно откинув в сторону прядь длинных волос, я увидела ее распухшее, окровавленное лицо.

Глаза Ясмин были закрыты, веки дрожали.

– Что случилось? – шепнула я.

– Я споткнулась о корень в лесу, – промычала она, все еще прижимая ко рту компресс.

Самир снова принялся шагать взад-вперед. Наконец, переводя взгляд с меня на Ясмин и обратно, он остановился и сложил руки на груди. Потом, вероятно, принял какое-то решение, потому что сам себе коротко кивнул.

– *Habille toi! Nous allons à l'hôpital!*¹²

С облегчением я поднялась на ноги – несмотря ни на что, Самир решил сам везти Ясмин в больницу.

Когда Ясмин стала подниматься со стула, у нее с колен слетела сумочка. Оттуда выпали пачка сигарет, что-то типа спрея для носа и какой-то листок бумаги. Я успела разглядеть имя на листке, хоть Ясмин и нагнулась за своими вещами очень быстро. Там было написано имя Пито, а под ним – номер телефона.

«Но ведь они с Пито больше не поддерживают связь, он сидит в тюрьме!» – успела я подумать, прежде чем раздался крик Самира:

– *Dépêche-toi!*¹³

Они вернулись лишь несколько часов спустя.

– Все хорошо? – сонно пробормотала я, когда Самир залез под одеяло.

– Все будет хорошо. Но у нее сотрясение мозга, ей нужна покой.

– Почему ты на нее так разозлился?

– Поговорить завтра, хорошо?

Конечно, мы поговорили об этом на следующий день. И на следующий. Но я так и не получила ясного представления о произошедшем. Насколько я поняла, по дороге домой Ясмин оступилась и упала. Было темно, и уже пару недель стояла холодная погода, так что тропинка промерзла и стала скользкой. Возможно, Ясмин была пьяна. Она споткнулась о корень дерева и разбила лицо. Самир разозлился – он в принципе не одобрял ее отсутствие по ночам. Вот, по крайней мере, то, что рассказал мне он.

После этого происшествия их ругань вышла на новый уровень: каждую ночь были слышны плач и долгие приглушенные разговоры на французском. Но за неделю до смерти Ясмин дома вдруг стало гораздо спокойнее. Никаких криков, никакого хлопанья дверьми. Ясмин, кажется, изо всех сил старалась быть милой. Она даже немного прибралась в комнате: унесла белье в стирку и развесила часть одежды на плечики в шкафу. Самир тоже был спокоен, но выглядел необычно подавленным. Ему не хотелось ни играть на гитаре, ни петь, ни пить вино, ни заниматься любовью. Когда я забиралась в постель и, положив руку ему на живот, принималась гладить его волосатую грудь, Самир отворачивался и бормотал:

– *Chérie*¹⁴, я очень, очень устал. Ты прости меня?

– Извинения приняты.

На следующей неделе я предприняла еще несколько неуверенных попыток достучаться до Ясмин, пыталась вывести ее на разговор, но в ответ всегда получала одно и то же: все хорошо, ничего не случилось.

– Но я же вижу по тебе, что это не так! – настаивала я. – И ты сильно похудела.

– И? – с вызовом спросила она, покосившись на «спасательный круг» на моей талии.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты знала, что я рядом и хочу тебе помочь. Если ты позволишь.

Она отвернулась, ничего не сказав в ответ. Внутри себя я ощущала разочарование – с тех пор, как у нее в комнате обнаружилась травка, Ясмин мне больше не доверяла. Отказывалась даже подпускать меня близко.

В который раз я почувствовала тоску по той девчонке, которая вместе со мной полола сорняки в саду.

За день до моего отъезда на тот девичник на Сандхамне Ясмин вдруг взяла меня за руку, когда я жарила яичницу на завтрак. Это было совершенно неожиданно – краем глаза я видела

¹² Одевайся! Мы едем в больницу! (франц.)

¹³ Поторопись! (франц.)

¹⁴ Милая (франц.).

Ясмин и думала, что она пройдет у меня за спиной к холодильнику. Но ее рука оказалась в моей. Теплая и сухая.

Я до того опешила, что уронила лопатку на плиту.

– Спасибо, Мария, – сказала она. – За то, что была так добра, когда я разбилась. И за все то, что ты делаешь дома, конечно.

Она кивнула в сторону яичницы, которая уже начинала пригорать.

Я убрала сковороду с огня, повернулась к Ясмин и неуклюже обняла ее. Ее худенькое тельце больше напоминало тельце птенчика. Ясмин уткнулась мне в шею, и я почувствовала тепло ее дыхания, вдохнула аромат ее духов – вечерний и довольно тяжелый для юной девушки.

Разумеется, впоследствии я много размышляла – не был ли то ее способ сказать последнее «прости»?

* * *

После того как Самира забрала полиция, Анн-Бритт с Гуннаром довели меня и Винсента до жилища моей матери в Накке.

Когда явилась полиция, Винсент был в своей комнате и, к счастью, пропустил весь этот хаос. Я благодарила небеса, что он не услышал моих криков, не увидел моих слез и глупых бесплодных попыток помешать полицейским увести Самира.

Тем не менее Винсент ясно понимал, что что-то не так – это было по нему заметно. Он выпятил нижнюю губу и сидел, сложив на коленях сжатые в кулачки руки, хоть я и пообещала ему, что дома у бабушки он сможет что-нибудь испечь. Выпучив глаза, Винсент с большим подозрением разглядывал Гуннара и Анн-Бритт. Время от времени он бросал на меня укоризненный взгляд, словно это была моя вина, что мы сидели в той машине, которая увозила нас прочь из дома, где силами правоохранительных органов вскоре должен был быть произведен обыск.

Открыв дверь, мама расплылась в улыбке, но улыбка эта на ее бледном лице с пятнами румянца на щеках выглядела натянутой.

– Входите, входите, – засуетилась она, отступая в прихожую. Пару мгновений стояла, опустив руки на свои массивные бедра, а потом словно пришла в себя и бросилась обнимать нас: сначала Винсента, потом меня.

– Какой ужас, – шепнула она мне в ухо. – Какой. Ужас.

Я задумалась – что конкретно она имела в виду под словом «ужас»? Что моего мужа задержали за убийство дочери? Или она всерьез решила, что из уютного музыкального папы Самир превратился в хладнокровного убийцу по законам чести, а я и не заметила?

Ответ на этот вопрос я получила чуть позже, когда Винсент в соседней комнате был занят игрой с маминой старой толстой таксой, которая досталась ей по наследству от папы и чудесным образом пережила его на годы.

– Это так ужасно, – повторила она, придерживая кофейную чашечку на своей массивной ляжке.

Я кивнула.

– Предполагаю, что Самира выпустят, как только удостоверятся, что он здесь ни при чем.

Мама подняла голову и встретила со мной взглядом. Выглядела она немного удивленной и даже слегка смущенной.

– Но полиция ведь не станет просто так кого-то забирать – вероятно, им известно что-то, что не известно нам с тобой.

У меня внутри все похолодело, это был тот же леденящий холод, какой я почувствовала, когда Гуннар и Анн-Бритт явились, чтобы забрать Самира.

– Ты же не веришь в то, что Самир может иметь какое-то отношение к исчезновению Ясмин?

– Нет-нет! Я только...

– Мама, – оборвала я ее. – Он бы никогда не позволил и волосу упасть с ее головы, можешь ты это понять?

– Конечно, конечно. Только это странно.

– *Что?* Что странно?

– Да так... – Мама потерла морщинистые руки. – Вдруг его происхождение сыграло какую-то роль? Его арабские корни.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы по-настоящему не нагрубить ей в ответ.

– Сейчас в тебе говорит расизм.

Мама тут же приняла оскорбленный вид.

– Я ни капельки не расистка.

– Я знаю, что ты в это веришь. Но сейчас ты говоришь в точности как полиция. Предполагаю, ты тоже читала осенью в газетах об этой шведской девушке, которую собственная семья убила в Ираке?

Мама кивнула.

– Черт побери, мне кажется, все с ума посходили, – продолжала я. – Вам на каждом шагу мерещатся преступления чести. В школе то же самое. Стоит лишь родителям-мигрантам подать заявление об академическом отпуске, все сразу начинают подозревать, что девочку хотят тайно выдать замуж.

– Но, – осторожно произнесла мама, – такое ведь случается. На самом деле.

Я ничего не ответила, но вспомнила о двух ученицах с Ближнего Востока, которым родители не позволяли посещать занятия физкультурой. Официально они предоставили справки от врача, но все знали, что причина была иная – семьи этих девочек считали неприемлемым то, что они занимаются спортом совместно с мальчиками. Одной из этих учениц даже не позволялось самостоятельно ходить в школу – каждый день ее провожал и встречал один из старших братьев.

Да, такое и вправду случается. Но только не в моей семье.

Мама аккуратно отставила чашку на столик. Взгляд ее был прикован к книжной полке, на которой не было ни одной книги. Вместо них она была уставлена маленькими фарфоровыми фигурками, вазочками из цветного стекла и фотографиями – там были они с папой, маленькая я, беззубый Винсент, улыбающийся из коляски.

Мама прочистила горло. Красные пятна на ее щеках приняли более темный оттенок, и вся шея тоже покраснелась.

– Но что же тогда произошло с Ясмин? – спросила она, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Как бы это ужасно ни звучало, мне кажется, нам придется принять тот факт, что она покончила с собой. Я знаю, в это как будто никто *не хочет* верить. Гораздо легче, наверное, представлять себе, что ее убил какой-то подонок. Или что это убийство чести. И что в этом замешан Самир. Но у Ясмин были проблемы, мама. Она была в плохом состоянии, общалась не с теми людьми, и насколько мне известно, без наркотиков там тоже не обошлось. В последнее время...

На мгновение я задумалась, прислушиваясь. Счастливый голос Винсента, который доносился из спальни, затих.

– ...она была похожа на скелет, – договорила я. – Наверное, ей было очень, очень плохо. Бедная Ясмин.

– Да, бедная, бедная девочка, – повторила мама.

– Что значит *у бийствачести*, мама?

Я обернулась.

В дверях стоял Винсент с толстой таксой на руках. Поразительно, как он вообще смог ее поднять.

– Мы поговорим об этом позже, – ответила я.

– Папа Самир сделал *бийствачести*?

Личико у него было невинное и одновременно серьезное.

Такса высвободилась из объятий и тяжело прыгнула на пол. Там она устроилась у ног Винсента и принялась неотрывно на него глядеть, словно надеясь на угощение.

– Нет, хороший мой, – сказала я. – Для того Самир и поехал в полицию, чтобы объяснить, что он не сделал ничего дурного. Так думают только расисты.

– А что такое расист?

Я вздохнула – несмотря на весь трагизм ситуации, мне сложно было сдержать улыбку.

– Это такие люди, которые не любят приезжих из других стран.

Винсент открыл рот, потом снова закрыл, словно собираясь с силами.

– А почему они не любят приезжих из других стран?

– Наверное потому, что боятся их.

Винсент опустил на корточки и принялся гладить таксу.

– А чего они боятся?

Внезапно я разразилась смехом. Он просто пузырился внутри, и сдержать его было невозможно. Я смеялась до слез.

– Спасибо, любимый мой малыш. Спасибо, что заставил маму улыбнуться.

10

Наутро после обыска мне позвонил человек, который представился как Франц Келлер и назвался адвокатом Самира. Он пояснил, что виделся с Самиром, присутствовал на вчерашнем допросе и добавил, что, «учитывая обстоятельства», тот держался неплохо. Адвокат сообщил, что на то время, пока Самир находится в заключении, он возьмет на себя роль связующего звена между нами.

«А нужно ли это? – подумала тогда я. – Самир ведь завтра-послезавтра вернется домой. У них есть право удерживать его не более трех суток при наличии таких шатких оснований». Мы еще немного поговорили, условившись, что созвонимся на следующий день. Я записала его номер, и мы распрощались.

Однако на следующий день беседы с Францем Келлером не состоялось. Утром меня вызвали на очередной допрос, так что, оставив Винсента у мамы, я поехала в участок, где меня ожидали Анн-Бритт и Гуннар.

Полиция конфисковала машину Самира для проведения какого-то криминалистического исследования, но мою они забирать не стали. Сперва я не поняла, почему, но потом вспомнила, что в тот вечер уезжала в Ставнес на своей машине, и когда пропала Ямин, та стояла припаркованной у гавани.

Сотрудники, проводившие обыск в нашем доме, не стали переворачивать все вверх дном, как в американских фильмах, но тем не менее было очевидно, что кто-то просматривал наши вещи: белье и фотоальбомы, мусор и содержимое холодильника. Свитеры Самира оказались не в том ящике, из кабинета исчезла папка с документами, как и его компьютер, и камера.

«Неужто это никогда не закончится?» – подумала я, не подозревая, что все только началось.

Когда я приехала в участок, Гуннар поджидал у пункта пропуска на входе. Пожав мне руку, он оглядел меня с ног до головы.

– Как вы держитесь?

Я пожала плечами, не зная, что ответить. Неужто ему было не ясно, как мне тяжело? Я старалась не копаться в этом глубоко, так было проще.

Допросная комната выглядела аскетично. Четыре стула стояли вокруг стола с белой ламинированной поверхностью. С потолка свисал микрофон, а на столе стояло записывающее устройство.

– Кофе? – предложил Гуннар.

Я молча кивнула, разглядывая стены. Сидя здесь, я испытывала совершенно иные ощущения, нежели дома, у нас в кухне. Вновь впадая в ступор от осознания серьезности ситуации, я почувствовала озноб.

Пару минут спустя вернулся Гуннар, держа в каждой руке по чашке кофе. Сразу следом за ним явилась Анн-Бритт. Под мышкой она несла толстую картонную папку. Я тут же занервничала. Сама мысль о том, что у них есть такое обширное досье на Самира, испугала меня. Однако вполне могло оказаться, что Анн-Бритт для того ее и принесла, чтобы оказать на меня воздействие.

Гуннар начал допрос, проинформировав о причине моего появления в участке, и наговорил на диктофон массу формальностей вроде даты и полного имени. Потом слово взяла Анн-Бритт:

– Мария, у нас есть свидетели, которые утверждают, что Ямин могла подвергаться насилию. Несколько раз ее видели с синяками. Что вы можете об этом сказать?

Я была удивлена, хотя к этому вопросу мне стоило быть готовой. И я рассказала, спокойно, насколько это было в моих силах, о синяке у нее под глазом и о рассеченной губе,

по поводу которой ей пришлось несколько недель назад обращаться в отделение неотложной помощи.

– Почему вы раньше об этом не упоминали?

– Не думала, что это важно, – солгала я.

Пауза.

– Самир бил Ясмин?

– Никогда.

– Как он оценивал ее стиль жизни?

– Что вы имеете в виду?

Анн-Бритт сдвинула очки повыше на переносице и провела рукой по серо-стальным волосам.

– Как он относился к тому, что у Ясмин был парень-швед? К тому, что она вела половую жизнь, посещала вечеринки и употребляла алкоголь?

Я онемела.

– Никак, – смогла я выговорить, когда шок прошел. – У него не было предубеждений на этот счет. Он только хотел, чтобы она успевала в школе.

Затем все продолжалось в том же духе. Анн-Бритт сыпала бесчисленными вопросами о прошлом Самира. Был ли он религиозен? Посещал ли он когда-либо мечеть? Много ли он общался с родней из Марокко, предлагал ли он когда-либо Ясмин переехать туда? Высказывался ли он по поводу одежды Ясмин? Может быть, он хотел, чтобы она ходила с покрытой головой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.